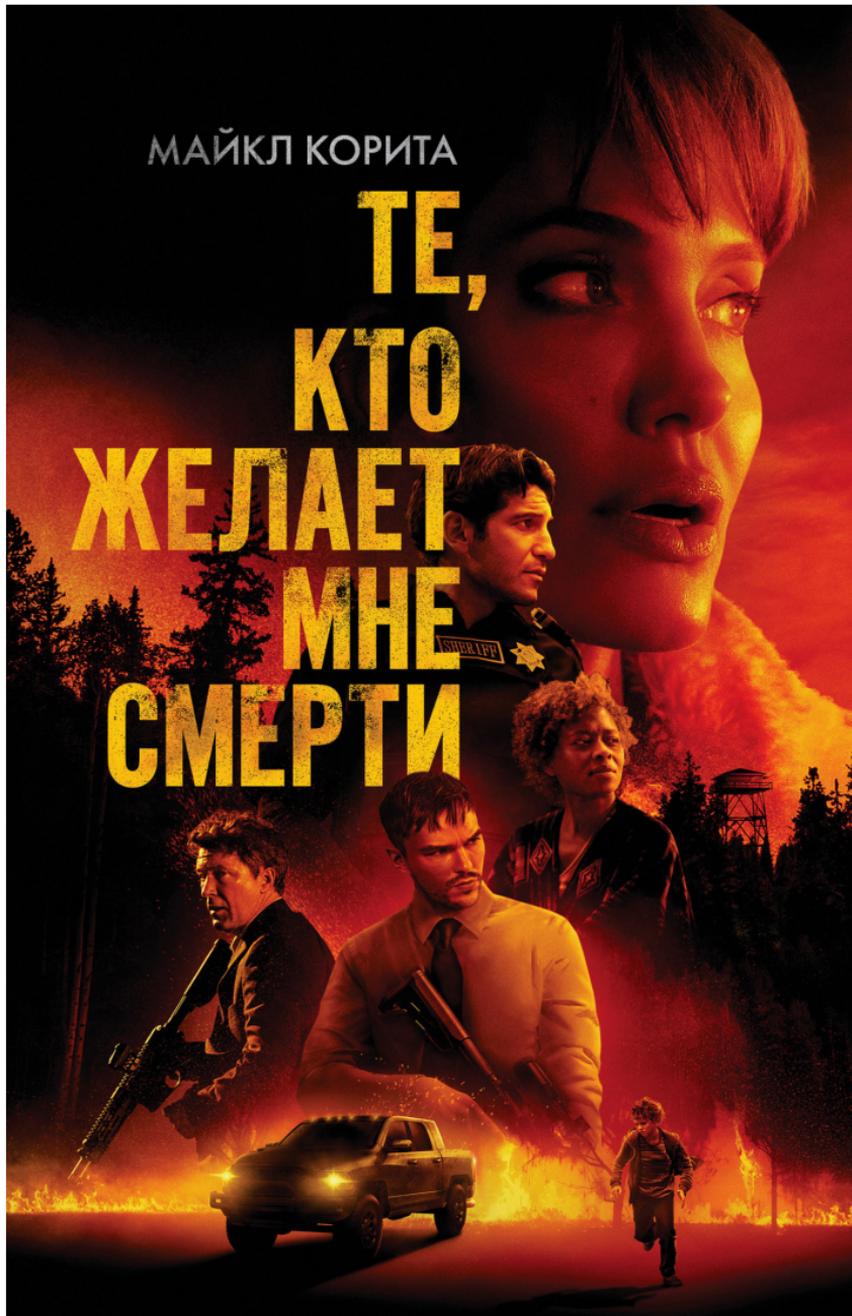

МАЙКЛ КОРИТА

ТЕ,
КТО
ЖЕЛАЕТ
МНЕ
СМЕРТИ

Майкл Корита
Те, кто желает мне смерти
Серия «Черный алмаз.
Бестселлер New York Times»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56056993

Те, кто желает мне смерти: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-107800-3

Аннотация

Мировая кинопреьера! Захватывающий триллер, легший в основу кинодрамы С АНДЖЕЛИНОЙ ДЖОЛИ.

Майкл Корита – одна из ярчайших звезд мирового триллера. Он – автор 14 книг, становившихся бестселлерами «Нью-Йорк Таймс». Их высоко ценят такие гиганты жанра, как Стивен Кинг, Ли Чайлд, Майкл Коннелли, Дин Кунц, Джеймс Паттерсон, Деннис Лихейн и др. Эти романы переведены более чем на 20 языков и признавались «Лучшими книгами года» такими авторитетными изданиями, как «Нью-Йорк Таймс», «Уолл-стрит джорнал», «Опра мэгэзин», «Пипл», «Ридерз дайджест» и др.

Прежняя жизнь четырнадцатилетнего Джейса Уилсона закончилась, когда он стал свидетелем жуткого убийства, – и началась новая. Теперь он – государственный свидетель с новой личностью и документами, затаившийся там, где его практически

невозможно отыскать. До тех пор, пока полиция не поймает тех двух убийц. Известные как братья Блэкуэллы, они никогда не оставляли в живых свидетелей своих преступлений. Не собираются и сейчас. Джейса спрятали в глухой горной Монтане, в семье инструктора по выживанию. Но те, кто желает его смерти, не остановятся ни перед чем и ни перед кем. Они уже встали на след...

«Читать Майкла Кориту – все равно что входить в быструю реку: никогда не знаешь, куда тебя унесет течением». – Джон Харт

«Роман, выдающийся во всех отношениях. Даже не думайте пропустить его». – Ли Чайлд

«Это мастер». – Стивен Кинг

«Стройный, стремительный триллер... Просто класс». – New York Times

«Майкл Корита – настоящий мастер в нагнетании саспенса». – Нельсон Демиль

«Корита – один из самых-самых лучших». – Майкл Коннелли

Содержание

Часть I	6
1	6
2	22
3	32
4	46
5	60
6	74
7	86
8	95
9	113
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Майкл Корита

Те, кто желает мне смерти

Эту книгу посвящаю Райану Истону – в память о том, сколько найдено-наезжено за пару десятков лет между Стаут-Крик и Репаблик-пик

Mickael Koryta

THOSE WHO WISH ME DEAD

Copyright © 2014 by Michael Koryta.

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть I

Тайный свидетель

1

Последним в жизни Джейса Уилсона стал день, когда, стоя на самом краю гранитного карьера и не сводя глаз с холодной глади воды, четырнадцатилетний парнишка начинал понемногу понимать то, что когда-то давным-давно говорила ему мать: плохо, когда ты выдаешь окружающим свой страх, – но гораздо опасней врать, будто тебе ни капельки не страшно. В тот момент Джейс не вполне сознавал, что она имела в виду. А вот теперь дошло.

От Крыши к воде спадал шестидесятипятифутовый¹ обрыв, и Джейс поставил сто долларов на то, что спрыгнет с него, – сто долларов, которых у него, естественно, не было, – а все только потому, что позволил страху предательски показаться наружу. Совершенно глупое пари, конечно, и он в жизни его не заключил бы, если б не девчонки, которые всё слышали и тут же принялись подталкивать друг друга локтями и хихикать. Но они, как назло, ошивались поблизости, так что теперь цена вопроса не ограничивалась какой-то сот-

¹ Около 20 м (1 фут – 0,305 м). – Здесь и далее прим. пер.

ней баксов – дела обстояли куда как более серьезно, и у него оставалось всего два дня на то, чтобы прикинуть, как из этой ситуации выкрутиться.

А далеко не для всех, кто рискнул спрыгнуть с Крыши, все заканчивалось благополучно. Из карьера уже доставали бездыханные тела, и это были ребята постарше – студенты, может, даже подготовленные ныряльщики, Джейс точно не знал. Не сомневался лишь в одном: высоты-то уж точно никто из них не боялся.

– Вот же вляпался! – прошептал он сам себе, оборачиваясь на прореху в ограде из стальной сетки, которая отделяла старый карьер братьев Истон от его собственного двора. Его дом притулился на самом краю заброшенной каменоломни, и Джейс давно облазил тут все закоулки – загорал, купался, – но от обрывистых берегов карьера всегда держался подальше. И уж тем более никогда с них не нырял. Всегда обходил на почтительном расстоянии – стоило даже просто приблизиться к краю, чтобы заглянуть вниз, как моментально кружилась голова, ноги слабели и сами собой несли его назад, шаркая по неровным камням. Несколько часов назад, однако, все это время, проведенное в окрестностях карьера в полном одиночестве, и послужило основой для той лжи, о которой теперь он так горько сожалел. Когда Уэйн Поттер начал гнать какую-то пургу про боязнь высоты, потому что Джейсу не хотелось вслед за всеми лезть на крышу школы по стремянке, которую какой-то работяга оставил приставленной к

стене, Джейс самонадеянно заявил, что ему вовсе не надо лазить по каким-то несчастным стремянкам, дабы доказать, что он не боится высоты, – он, мол, постоянно ныряет у себя в карьере, а уж Уэйн-то точно такого не проходил.

Тот, естественно, объявил, что Джейс просто свистит. И, естественно, упомянул про Крышу. И, естественно, у него оказался старший брат, с которым он придет туда на выходных.

– Ну ты и кретин! – вслух ругал себя Джейс, плетясь по каменистой тропке, усеянной расклякшими сигаретными окурками и смятыми банками из-под пива, к одному из широких уступов над старым карьером, под которым, как он *точно знал*, было достаточно глубоко. Начать с малого – таков был его план. Он успел уже прыгнуть разок – футов с пятнадцати, и теперь переходил к соседнему карьере, где высота была уже посерьезней – по меньшей мере футов тридцать. Просто посмотрев на воду внизу, уже ощутил головокружение и слабость в коленках. И эта чертова Крыша более чем *вдвое* выше?

– Просто попробуй, – уговаривал он сам себя. Звук собственного голоса немного успокаивал, придавал уверенности – будто ты и не один. – Просто попробуй! Это же вода, по-любому не убьешься до смерти! По крайней мере, с такой высоты.

И все же Джейс так и продолжал расхаживать туда-сюда по уступу, выискивая подходящее место и старательно дер-

жась в добрых трех футах от края. В голове неотвязно сидела картинка: ноги вдруг подламываются, скользят, он летит башкой вперед прямо на камни и всплывает из воды со сломанной шеей...

– Ссыкун! – громко произнес Джейс, потому что сегодня его именно так и назвали, прямо перед девчонками. Охватила такая злость, что он был готов – ну, или *почти* готов – все-таки поставить ногу на эту чертову стремянку. Но вместо этого предпочел заброшенный карьер, чтобы оправдать себя. Хотя теперь, по зрелом размышлении, стремянка казалась явно предпочтительней.

Треснул раскат грома, эхом заметался над водой между отвесных каменных стен. Внутри карьера гром звучал более гулко и угрожающе, чем наверху на дороге. Когда Джейс выходил из школы, дул сильный ветер, который теперь и вовсе разгулялся не на шутку, налетая порывами и вихрями закручивая каменную пыль, а на западной стороне неба громоздились густо-черные тучи, в глубине которых ярко вспыхивали молнии.

«Не лучший момент лезть в воду, – подумал Джейс, тут же хватаясь за эту спасительную идею, как за соломинку. – Не хватало еще, чтобы из-за какого-то Уэйна Поттера тебя вдобавок и током убило».

С этой мыслью он устремился назад и дошел почти до самой дыры в ограде, но вдруг остановился.

Уэйн Поттер-то никуда не денется. В субботу он явится

сюда вместе со своим братцем. Они заташат Джейса на Крышу, будут смотреть, как он надует в штаны, и покатываться со смеху. А потом в понедельник Уэйн вернется в школу и всё в красках распишет – если еще раньше не разрезвонит всем по телефону. Или, что хуже, притащит кого-нибудь с собой посмотреть... А что, если он и девчонок с собой позвал?

Именно эта мысль и заставила его передумать. Прыгать страшно, но *не прыгнуть* перед девчонками?.. Это куда страшней и обойдется гораздо дороже.

– Лучше-ка ты все-таки прыгни, – проговорил он вслух. – Ну давай же, трус несчастный! Просто иди и прыгни.

И быстро двинулся назад, потому что с каждой секундой промедления страх только усиливался – хотелось поскорей со всем разделаться и понять, *способен* ли он вообще на такое. Первый раз получилось, дальше будет проще. Просто высота малость побольше, только и всего. Джейс стряхнул с ног ботинки, потом стянул футболку и джинсы и бросил их на кучу камней.

Когда опять гроыхнул гром, зажал нос пальцами – ну да, девчоночий прием, но он тут один, так что плевать – и заговорил опять:

– Нет, я не ссыкун.

Поскольку говорил Джейс с зажатым носом, голос прозвучал пронзительно и тоже как-то по-девчоночьи. Он бросил последний взгляд на поверхность воды внизу, зажмурил гла-

за, согнул ноги в коленях и оттолкнулся от уступа.

Лететь было всего ничего. Несмотря на все его страхи, все закончилось очень быстро и безболезненно – если не считать, конечно, что от холодной воды на миг ёкнуло сердце и перехватило дух. Джейс дал себе опуститься до самого дна – вода его нисколько не беспокоила, он любил купаться, избегал только нырять, – ожидая в любой момент ощутить прикосновение холодного гладкого камня.

Но не дождался. Вместо этого нога коснулась чего-то странного – чего-то одновременно и мягкого, и твердого, и он испуганно отдернул ее, поскольку, что бы это ни было, чего-то подобного Джейс явно не ожидал. Он разлепил глаза, заморгал, когда их защищало от воды, – и увидел мертвеца.

Тот сидел почти прямо, прислонившись спиной к камню и вытянув ноги перед собой. Голова завалилась набок, словно он задремал с устатку. Светлые волосы колыхались во взбаламученной падением Джейса воде; длинные пряди встали дыбом над макушкой мертвеца, затанцевав над ней в полутьме. Верхняя губа кривилась, словно он над кем-то потешался, ехидно хихикал, дразнился, и Джейсу были хорошо видны его зубы. Лодыжки утопленника обхватывала веревка, привязанная к старой гимнастической гире.

На несколько секунд Джейс завис в воде прямо над ним, в каких-то пяти футах. Может, дело было в том, что он смотрел через сумрачную воду, но он чувствовал себя отделенным от всей этой сцены, словно труп внизу был чем-то во-

ображаемым. И только когда понял, почему голова человека завалилась набок, ужас, который он должен был испытать сразу, охватил его целиком. На горле мертвеца зиял такой широкий разрез, что вода вливалась в него, как в открытый грот. При этом зрелище Джейс лихорадочно заработал руками и ногами, неуклюже пробиваясь наверх. От поверхности его отделяло не больше пятнадцати футов, но он все равно был уверен, что никогда до нее не доберется, утонет прямо здесь, а его тело опустится на дно рядом с этим трупом.

Когда голова его взломала водную гладь, он уже был готов закричать, позвать на помощь. Результат оказался ужасным – он вдохнул воды вместо воздуха, поперхнулся ею и действительно почувствовал, будто тонет, что не в состоянии втянуть воздух в легкие. Наконец с хрипением сделал вдох, выплюнул попавшую в рот воду.

Воду, которая омывала мертвеца в глубине.

Ощувив тошноту, Джейс изо всех сил куда-то поплыл, но тут же сообразил, что движется не в том направлении – в сторону отвесных стен, не суливших возможности выбраться наверх. Запаниковав, он крутнулся на месте, ухватив наконец взглядом какие-то низкие камни. Между стенами карьера опять эхом заметались раскаты грома, когда Джейс опустил голову в воду и поплыл туда. В первый раз, когда сделал попытку выбраться на камни, руки соскользнули, и он плюхнулся обратно в воду – да так, что окунулся с головой.

«Ну давай же, Джейс! Вылезай, надо срочно вылезать!»

На второй попытке все-таки получилось, и он плюхнулся на живот. Вода из карьера стекала с него, лилась изо рта, капала с губ, и Джейс во второй раз подумал, что эта же вода омывала зияющую рану в горле мертвеца. Поперхнувшись, он блеванул прямо на камни – глотку и нос обожгло, как огнем, – а потом на подламывающихся руках и ногах пополз подальше от края воды, словно та могла дотянуться до него, ухватить за ногу и затащить обратно к себе.

– Господи помилуй! – ошарашенно прошептал Джейс. Голос его дрожал, все тело тоже сотрясала крупная дрожь.

Когда он понял, что ноги его удержат, то неуверенно встал. Яростные порывы ветра охладили мокрую кожу и насквозь промокшие трусы, и он обхватил себя обеими руками. В голове тупо промелькнуло: «Ты забыл взять полотенце». И только в этот момент Джейс понял, что выбрался из воды не на той стороне карьера. Его одежда осталась лежать на уступе на противоположной стороне.

«Ты чё, издеваешься?» – подумал он, оглядывая отвесные стены, окаймляющие эту сторону карьера. И как же по ним залезть? Если такое вообще возможно. Перед глазами – только гладкая вертикальная скала. Правда, чуть в стороне, за урезом воды, в ней имелся седловидный прогал, за которым открывалась более или менее плоская россыпь камней, заросших кустами и репейником. Но туда без ботинок и штанов лучше не соваться – исколешься и ноги собьешь, да и долго выйдет. Самое простое и быстрое – войти обратно в

воду и переплыть карьер поперек.

Джейс уставился на кучку одежды – вон она, так близко, что можно запросто камнем добросить. И мобильник там же, в кармане джинсов.

«Нужна помощь, – подумал он, – нужно кого-нибудь сюда привести, как можно скорее».

Но не двигался. Одна мысль о том, что придется опять окунуться в воду... Джейс уставился на мутную зеленую воду карьера, еще более темную, чем когда-либо, а потом вдруг ярко осветившуюся вспышкой молнии. Резкий порыв ветра прогнал по ней серую рябь.

– Ничего он тебе не сделает, – уговаривал Джейс себя вслух, мелкими шажками придвигаясь к воде. – Не оживет, за ногу не схватит.

Пока он повторял себе все эти успокаивающие слова, его вдруг молнией пронзила мысль, которая не успела окончательно оформиться во время его отчаянных попыток выбраться на сушу – нет, этот человек уже не оживет, но до чего же он все-таки похож на живого! Волосы, глаза, эта скривившаяся словно в усмешке губа, обнажающая зубы... даже кожа вокруг раны на горле не начала еще разлагаться. Джейс точно не знал, сколько на это требуется времени, но вроде не так уж много.

«Так он там совсем недавно...»

На сей раз гром грохнул так, что Джейс чуть не подпрыгнул. Зашарил взглядом по окрестностям карьера, поднял

глаза на кромки каменных стен – не наблюдает ли за ним кто...

Пусто.

«Давай-ка вали на хрен отсюда!» – мысленно приказал Джейс, но все-таки не сумел заставить себя войти в воду. Не смог представить, как опять поплывет в этой воде, прямо над человеком, привязанным за лодыжки к чугунной гире, человеком с завалившейся набок головой и перерезанным горлом. Вместо этого он направился к прогалу. Здесь было нечто вроде отмели, соединяющей один берег с другим: карьер, в котором он находился, располагался справа, а еще один – слева. Обрыв слева был тем тридцатифутовым монстром, который он намеревался использовать для тренировки перед Крышей. По какой-то причине узкая перемычка оказалась привлекательной для растений, но исключительно сорных. Казалось, будто абсолютно из всего, что росло на этих камнях, торчали колючки. Углубившись в заросли осоки, Джейс первым делом едва не наступил на осколки разбитой бутылки. С первых же шагов колючки стали впиваться в тело. Он скривился, но стал неуклонно пробиваться вперед – теплая кровь перемешивалась с холодной водой у него на ногах. Посыпались первые капли дождя, над головой опять громыхнул гром, эхом отдаваясь в глубине карьера, словно сама земля отвечала небу.

– Ох! Черт!

Джейс хитрился наступить прямо на острый шип, кото-

рый остался торчать в подошве ступни, так что следующий шаг загнал его еще глубже. Он как раз стоял на одной ноге, пытаясь его вытащить, как вдруг услышал шум автомобильного мотора.

Первой мыслью было, что это сторож или еще кто-то в этом духе. Это было бы хорошо. Это было бы просто *замечательно*, поскольку любая трепка за то, что он втихаря пробрался сюда, с лихвой стоит того, чтобы наконец выбраться отсюда! Джейс на миг застыл все в той же позиции, балансируя на одной ноге, удерживая кровотокающую ступню рукой и прислушиваясь. Звук мотора все приближался и приближался – кто-то ехал по гравийной дорожке, обычно перекрытой запертыми на замок воротами.

«Убийца возвращается», – промелькнуло вдруг в голове, и на смену вялой неуверенности пришел дикий ужас. Джейс стоял прямо посреди перемычки, на самом заметном месте во всем карьере.

Развернувшись, он быстро захромал туда, откуда пришел, но сразу остановился. Не, там вообще негде укрыться! Только отвесная скала – даже залечь не за что. Развернувшись, Джейс бросился в обратную сторону, с трудом продираясь сквозь заросли и уже не обращая внимания на колючки, которые впивались в него со всех сторон, оставляя на груди, руках и ногах кровавые росчерки.

Мотор гудел уже совсем близко.

На ту сторону уже не перебраться. Не успеть.

Джейс Уилсон бросил короткий взгляд на воду внизу – сделал одну-единственную попытку определить, куда можно безопасно приземлиться, несмотря на то, что вода была слишком темной и не позволяла разглядеть, что ожидает под ней, – и прыгнул. Вот и говорите после этого, что страх не удваивает силы! Он жутко боялся высоты, но по сравнению с тем, что незримо приближалось к нему... Это был не страх. Это был самый настоящий ужас.

На сей раз падение прочувствовалось по полной – казалось, что летит он очень долго, будто бы спрыгнул с действительно большой высоты. В голове промелькнули мысли об острых камнях и кусках искореженного металла – обо всем этом хламе, который валяется на дне этих карьеров, обо всем, о чем его много раз предупреждали, – но в тот же миг он врезался в воду и провалился вниз. Попытался побыстрее остановить спуск, растопырив руки и ноги, но скорость падения была большая, и он продолжал погружаться – невзирая на все свои попытки грести наверх, камнем валился все глубже. Соприкосновение с дном сотрясло его, ноги ударились в камни, отчего позвоночник прострелило резкой болью. Оттолкнувшись от дна, он медленно поднялся наверх. На сей раз не хотелось показываться на поверхности с шумом и плеском.

Его голова вынырнула над водой в тот самый момент, когда шум двигателя стих. Автомобиль остановился. Джейс быстро поплыл в сторону песчаниковой плиты, которая ко-

со нависала над берегом, образуя узкий закуток, – куда, как он был уверен, можно будет забиться. И уже почти достиг его, когда рискнул бросить взгляд наверх и увидел идущего к воде человека. Высокого, широкоплечего, с длинными, почти белыми светлыми волосами. Голова у того была опущена – он выискивал взглядом едва приметную тропку среди камней, так что Джейса пока не засек. Из-за полностью закрывших небо грозовых туч вода стала еще темнее, но при очередной вспышке молнии Джейс заметил блеснувший на груди незнакомца значок и понял, что на нем униформа.

Полиция! Кто-то их уже вызвал, или они сами как-то узнали... Из-за чего бы они тут ни появились, Джейсу на это было совершенно плевать. Они *уже* здесь! Помощь прибыла. Он облегченно выдохнул и вновь наполнил легкие, чтобы позвать на помощь, но тут увидел остальных.

Следом шел один полицейский, тоже блондин, с более короткой стрижкой – как у военного. На ремне у него висела кобура с пистолетом, и он толкал перед собой какого-то человека в наручниках. На голове у того был черный мешок.

Джейс едва сдержал готовый вырваться крик и застыл, удерживаясь за камень ногами и одной рукой. Стараясь не двигаться. Не дышать.

Первый коп дождался, пока к нему подойдут остальные. Стоял, сложив руки на груди и нетерпеливо наблюдая, как человек с мешком на голове слепо продвигается вперед, спотыкаясь на камнях. Человек в мешке попытался что-то ска-

зять, но не смог. Послышалось только какое-то сдавленное вяканье.

«Что-то у него во рту», – догадался Джейс. Внятно произносить слова человек не мог, но смысл их все равно был понятен: человек умолял. Был до смерти перепуган и о чем-то умолял. Глухо хныкал, скулил и подвывал, как щенок. А потом первый коп отвел ногу назад и ударил его в поясницу, повалив на землю – ничего не видящего и не готового к падению. Джейс едва не вскрикнул и прикусил губу, чтобы сохранять молчание. Второй коп – тот, что вел человека от машины, опустился на корточки, уперся ему коленом в поясницу и вздернул ему голову, ухватившись за мешок. Наклонился над ним и что-то сказал, но очень тихо, шепотом. Джейс не разобрал ни слова. Коп по-прежнему что-то говорил человеку с мешком на голове, когда тот, первый, вытянул вбок руку и нетерпеливо пошевелил пальцами, ожидая чего-то, и второй сунул ему нож. Не какой-то там перочинный или кухонный ножик, а из тех, что используют солдаты. Боевой нож. *Настоящий* нож.

На глазах у Джейса голова пленника дернулась в ответ на одно быстрое движение клинка, и тот сразу засучил ногами, зацарапал землю в отчаянных попытках за нее зацепиться, поднять скованные наручниками руки к горлу, перекрыть поток крови, хлынувшей из-под мешка. Оба копа схватили его, крепко и надежно, удерживая за одежду на спине, стараясь не запачкаться в крови. А потом спихнули со скалы,

и он кувырком полетел вниз, совсем как недавно Джейс. В падении обогнал свою собственную кровь – она красным облаком на миг зависла у него над головой, когда он врезался в воду.

При звуке всплеска Джейс наконец пошевелился. Теперь их осталось только двое, ничего не отвлекает, наверняка они сейчас осмотрятся. И, скорее всего, заметят его. Он еще дальше забился под плиту, пытаясь втиснуться как можно глубже, скребя ногтями по камню. Все, глубже никак! Увидеть его можно только с другой стороны – да и то если наблюдатель тоже будет находиться в воде, на одном уровне с ним. И все же, если они подойдут ближе, его укрытие превратится в ловушку. Тогда бежать будет некуда. Дыхание выходило из груди короткими судорожными толчками, кружилась голова, казалось, что вот-вот опять стошнит.

«Не вздумай только блевануть, даже не пикни, ни звука!»

На несколько секунд воцарилась тишина. Они собирались уходить. Джейс с облегчением подумал, что они наверняка сейчас уйдут, а он наконец отсюда выберется – опять окажется дома, несмотря ни на что.

И в этот момент услышал голос одного из них, впервые четкий и громкий:

– Ну-ка, ну-ка... Похоже, здесь кто-то купался. И почему-то решил оставить свою одежду...

Голос прозвучал так спокойно и мягко, что на миг Джейс даже усомнился, что он принадлежит человеку, который

только что орудовал ножом. Это казалось просто невероятным.

Последовала пауза, а потом второй ответил:

– Одежда одеждой, но почему он заодно и обувь решил оставить?

– Да, тут одни каменюки, – согласился первый голос. – Без обуви особо не походишь.

Потом эти на удивление безмятежные голоса стихли, но до ушей Джейса донесся другой звук – отчетливый металлический щелчок. Джейс достаточно часто бывал в тире с отцом, чтобы сразу узнать его: в ствол пистолета, передернув затвор, загнали патрон.

Оба начали обходить карьер по периметру, и где-то внизу под ними, прижавшись к темным камням, Джейс Уилсон принялся тихонько всхлипывать.

2

Радиостанция, настроенная на частоту прогноза погоды, пробудилась в тот самый момент, когда они устраивались в постели, – обратившись к Итану и Эллисон бестелесным голосом робота:

«Мощный циклон продолжит приносить сильные снегопады в горные районы штата... Наиболее сильные осадки ожидаются на высоте более семи тысяч пятисот футов... Однако еще до наступления утра не исключено выпадение нескольких дюймов снега и на высоте четырех тысяч пятисот футов. Налипание мокрого снега на деревья и провода может привести к перебоям в электроснабжении. Ослабление снегопада прогнозируется только к утру воскресенья. Ожидается увеличение толщины снежного покрова до одного-двух футов, местами на северных и восточных склонах возможно образование более толстого снежного покрова. Ночью на автомобильных дорогах – гололед и снежные заносы, отдельные участки станут непроезжими, включая перевал Медвежий зуб».

– Знаешь, что мне в тебе нравится? – спросила Эллисон. – Ты оставляешь эту штуку включенной, хотя за окном снег валит уже четыре часа без передышки. И так ведь понятно, что творится!

– Прогнозы могут меняться.

– Угу. А нормальные люди могут иногда и поспать. Давай этим и займемся.

– Кто спит, а кто приключений на жопу ищет, – буркнул Итан. – Наверняка сегодня кому-нибудь придет в башку побыстрому прогуляться, пока погода окончательно не разбушевалась. И, естественно, какие, на фиг, карты, они ведь только на минуточку вышли, просто пройтись, точно?

Подобного рода спонтанные решения «прогуляться» обычно и вытаскивали Итана в горы посреди ночи. Особенно когда на носу лето, и продолжительные периоды затишья дарят людям ложное чувство безопасности.

– Будем надеяться, что все такие придурки сегодня останутся сидеть по домам, – пролепетала Эллисон уже сонным голосом, целуя его в плечо и устраиваясь поудобнее.

– Весьма оптимистичное пожелание, – отозвался он, притягивая ее к груди, смакуя ее тепло. Домик быстро простыл, когда они перестали подбрасывать дрова в печку. Стекло в окне рядом с ними потрескивало от постоянных порывов ветра, несущих ледяную крупу. Переносная рация Си-бидиапазона², лежащая на полке над кроватью, по соседству со стационарной профессиональной радиостанцией, не подавала признаков жизни. Хорошая была зима – только один вызов. Хотя зима в этом смысле – самое спокойное время года,

² Радиостанция «гражданского» диапазона СВ (Civil band), выделенного для общего пользования. Такие рации, обладающие обычно небольшим радиусом действия, используют туристы, рыболовы, охотники, водители-дальнобойщики и пр.

большинство туристов в Монтану в эти месяцы и не суются. Итану не нравился этот снегопад. Это в последний-то день мая, когда лето на носу, целую неделю перед этим жарило солнце, а столбик термометра не опускался ниже пятидесяти градусов?³ Да, отдельные придурки, которых только что упомянула Эллисон, вполне могли полезть в горы. А стоит им там застрять, как рация над головой у Итана Сербина с потрескиванием возродится к жизни и его команда спасателей будет готовиться к выходу.

– У меня хорошее предчувствие, – пробубнила Эллисон в подушку, по обыкновению быстро проваливаясь в сон. Эта женщина наверняка могла заснуть прямо на асфальте взлетно-посадочной полосы оживленного аэропорта.

– Да ну?

– Угу. Но на случай, если я вдруг ошибаюсь, выруби, пожалуйста, свое радио. По крайней мере, частоту для придурков.

Итан улыбнулся ей в темноте, еще раз крепко стиснул ее и тоже закрыл глаза. Буквально через минуту она уже дрыхла без задних ног, размеренно обдавая своим теплым дыханием его грудь. Он прислушался – ледяная крупа, похоже, сменилась обычным снегом, потрескивание стекла ослабло, и постепенно он тоже начал расслабляться.

Когда опять зашипело радио, Эллисон со стоном пробудилась.

³ 50 градусов по Фаренгейту – 10 градусов по Цельсию.

– Нет, – простонала она, – только не сегодня!

Итан выбрался из постели, нащупал вставленную в базу переносную рацию, вышел из спальни и по холодным доскам пола подошел к переднему окну. Внутри домика царила почти полная темнота. Электричество вырубилось сразу после заката, и он поленился запускать генератор – нет смысла палить топливо, только чтобы просто поспать.

– Сербин? Прием. – Голос принадлежал Клоду Китне, шерифу Паркового округа.

– Ответил, – отозвался Итан, приглядываясь к белой круговерти за окном. – Кто пропал и где, Клод?

– Никто не пропал.

– Тогда дай поспать.

– Вылет с шоссе. Кое-кто пытался проскочить через перевал сразу перед тем, как мы решили его закрыть.

Имелся в виду перевал Медвежий зуб на шоссе номер двести двенадцать между Ред-Лодж и Кук-Сити. «Медвежье шоссе», как обычно называли двести двенадцатую трассу, представляло собой одну из самых живописных – и самых опасных – автомобильных дорог в стране, череду крутых, как американские горки, серпантинов, выющихся между Монтаной и Вайомингом и забирающихся на высоту более десяти тысяч футов. Зимней порой его обычно на несколько месяцев полностью перекрывали – перегораживали с обоих концов и не открывали вновь самое раннее до конца мая. Езда здесь требовала осмотрительности даже в самую хорошую

погоду, а уж в снегопад, да еще в темноте... Удачи, господа.

– Ладно, – произнес Итан в рацию. – А я-то тогда зачем?

Его команда разворачивалась, только когда кто-то пропал. Если кто-то слетел с шоссе – или, как Клод в таких случаях предпочитал выразиться, «кувырнулся», учитывая особенности местности, – скорее требовались «Скорая» или коронер⁴, но по-любому не специалисты по поиску и спасению.

– Мадам, у которой хватило ума прорываться через заносы, уверяет, что ехала к тебе. Парковая служба перекинула ее на меня. Сидит тут в кабине снегоочистителя неподалеку. Ты ее ждешь?

– Ехала ко мне? – Итан нахмурился. – А кто такая?

– Некая Джейми Беннетт, – ответил Клод. – И я бы сказал, что для дамочки, которая только что свалилась с горы на прокатной тачке, настроена она довольно по-боевому.

– *Джейми Беннетт?*

– Так точно. Знаешь ее?

– Угу, – растерянно отозвался Итан. – Да, знаю.

Джейми Беннетт, профессиональный телохранитель. Когда после увольнения из Военно-воздушных сил Итан подался на вольные хлеба, то нашел себя в роли частного инструктора по выживанию – работал как с гражданскими, так и с представителями разнообразных государственных структур.

⁴ *Коронер* – должностное лицо, расследующее случаи насильственной или внезапной смерти с целью определить, требуется ли дальнейшее полицейское расследование.

Джейми входила в группу, которую он обучал в прошлом году. Она ему нравилась, тетка оказалась толковой – вот разве что малость самонадеянной; но он даже представить не мог, что она способна полезть в жуткий снегопад через горный перевал, только чтобы повидаться с ним.

– Чего ей надо? – спросил Клод Китна.

Итан не нашелся что ответить.

– Еду к вам, – только и сказал он. – Думаю, на месте и выясним.

– Понял. Давай сам аккуратней. Тут сегодня черт-те что творится.

– Естественно. До встречи, Клод.

В спальне Эллисон, приподнявшись на локте, смотрела в полутьме, как он натягивает одежду.

– Куда это ты намылился?

– К перевалу.

– Кто-то грохнул машину и решил пойти пешком?

Такое уже не раз бывало. Перепуганные перспективой сидеть в разбитой машине, люди начинали паниковать и устремлялись по дороге на своих двоих, и в сильную пургу вскоре эту дорогу теряли. Вроде бы совершенно невероятная история – потерять ориентиры на автомобильной трассе, но только до тех пор, пока вы не попадете в пургу в Скалистых горах, тем более ночью.

– Нет. Это Джейми Беннетт пыталась ко мне пробиться.

– Судебная исполнительница? С которой ты прошлой вес-

ной работал?

– Да.

– А что она забыла в Монтане?

– Приехала ко мне, как мне сказали.

– Посреди ночи?

– Как мне сказали, – повторил он.

– По-моему, ничего хорошего, – Эллисон нахмурилась.

– Думаю, что все нормально.

Но когда Итан вышел из домика и под порывами белой вьюги направился к снегоходу, то уже понимал, что это далеко не так.

* * *

Ночной пейзаж отвергал полную тьму тем волшебным образом, что под силу одному лишь снегу, впитывающему свет звезд и луны и отдающему его назад обманчивым голубоватым свечением. Клод Китна не преувеличивал – ветер разгулялся не на шутку, заходя от севера к северо-востоку неистовыми порывами и бросаясь густым мокрым снегом. Итан ехал один и ехал не спеша, хотя знал двести двенадцатую трассу как свои пять пальцев и провел здесь больше часов в плохую погоду, чем большинство остальных людей. Как раз по этой-то причине он особо не разгонялся, хотя большой снегоход явно это позволял. Из всех тех случаев, когда спасательная экспедиция заканчивалась обнаружением тру-

па, подавляющее число подобных происшествий было связано как раз со снегоходами и квадроциклами – люди самоуверенно считали, что эти транспортные средства изначально рассчитаны на то, чтобы управляться со стихией. В ходе своей профессиональной подготовки, которая проходила по всему миру – и этот урок был окончательно усвоен как раз в Монтане, – Итан навсегда запомнил, что слепо доверяться какому-либо инструменту, рассчитанному на то, чтобы управляться со стихией, – это рецепт бедствия. К стихии нужно приспосабливаться, относиться к ней с уважением – управлять же ею никому не под силу.

На обычно двадцатиминутную поездку у него ушел едва ли не целый час, и у перевала Медвежий зуб его встретили оранжевые всполохи сигнальных факелов, превратившие припаркованные у обочины грузовик-снегоочиститель и полицейский автомобиль в темные силуэты на фоне ночного неба. У погнутого ограждения притулился разбитый черный «Шеви Тахо». Посмотрев, в каком положении тот находится, Итан лишь покачал головой. Еще немного, и все кончилось бы плохо. Случись такое на одном из «тещиных языков» серпантина, и лететь этому «Тахо» черт знает сколько, пока он не брякнется о скалы.

Итан остановил снегоход у обочины, глядя, как снежные вихри закручиваются в темных распадах вниз и вспыхивают в оранжевом свете фальшфейеров. Интересно, подумал он, нет ли сейчас в этих темных заснеженных зарослях еще

кого-нибудь, про кого им неизвестно – кому не столь повезло, как Джейми Беннетт? Вдоль извилистой дороги выстроились высокие тонкие столбики – маркеры, помогающие снегоочистителям ориентироваться, когда снег превращал дорогу в угадайку для слепых, а на подветренной обочине вокруг этих столбиков уже выросли двухфутовые, а кое-где и трехфутовые сугробы.

Пассажирская дверца грузовика с бульдозерным ножом с лязгом распахнулась, и Джейми выпрыгнула из кабины в снег, не успев еще Итан заглушить мотор снегохода. При этом она поскользнулась и чуть не шлепнулась на пятую точку, но вовремя ухватилась за ручку дверцы.

– Ну и местность ты выбрал для житья, Сербин! Пурга в последний день мая!

Ростом она была почти с него; из-под лыжной шапочки выбивались светлые волосы, голубые глаза слезились от пронизывающего ветра.

– Есть такая штука, – отозвался он, – прогноз погоды называется, не слышала? Да, метод новый, экспериментальный, но все-таки стоит им пользоваться время от времени. Типа, гм, перед тем как переться в горы посереде ночи.

Улыбнувшись, Джейми протянула ему руку, затянутую в перчатку, и они обменялись рукопожатием.

– Я слышала прогноз, но решила, что все-таки проскочу. Не волнуйся, – добавила она, – я сохраняю позитивный настрой.

Это был один из семи основополагающих принципов выживания, которые Итан преподавал группе, в которой обучалась Джейми. Самый главный принцип, вообще-то.

– Рад, что не забываешь мои уроки. Но что ты вообще тут делаешь?

– У меня есть к тебе деловое предложение, – ответила она. – Запрос. Тебе он может не понравиться, но я все равно хочу, чтобы ты по крайней мере меня выслушал.

– Многообещающее начало, – отозвался Итан. – Просто обожаю предложения, которые валяются как снег на голову.

Тогда это было шуткой. В тот момент, среди ветра, снега и оранжевых сигнальных огней это прозвучало всего лишь шуткой. Правда, через несколько недель, на ярком солнце и среди густого дыма, он припомнит эту свою реплику – и невольно поежится.

3

К тому времени, как они добрались до домика, Эллисон успела растопить печку.

– Хотите, заведу генератор? – спросила она. – Заодно и свет можно будет зажечь.

– Было бы здорово, – отозвалась Джейми.

– Может, кофейку? – предложила Эллисон. – Чтобы малость согреться?

– Вообще-то сейчас я бы выпила бурбона или чего-нибудь в этом роде. Если есть.

– Вот я и говорю – кофе, – с улыбкой сказала ей Эллисон, подливая в дымящуюся кружку с кофе изрядную порцию «Мейкерз Марк»⁵ и передавая ее Джейми – та все еще пыталась стащить куртку и перчатки, рассыпая вокруг хлопья снега, который тут же таял, образуя на деревянном полу перед печкой темные лужицы.

– Вот это другое дело! Спасибо. На улице такой дубак... Так вы что, и в самом деле тут круглый год живете?

Итан улыбнулся.

– Верно.

Ему Эллисон тоже предложила кофе, и он с благодарностью принял от нее горячую кружку, повертел между ладонями.

⁵ Сорт американского бурбона (кукурузного виски).

Несмотря на первоклассные снегоходные перчатки, ветер добрался до самых костей. Эллисон изучающе заглянула ему в глаза, выискивая в них причину, по которой эту женщину занесло сюда сквозь метель. Поняла, что он и сам не имеет об этом ни малейшего представления.

– Шикарный домик, – произнесла Джейми, отхлебывая приправленный виски кофе. – Так, говорите, ребята, сами его построили?

– Да. С некоторой посторонней помощью.

– А вы уже дали ему имя? Вроде как у любого ранчо обязательно должно быть собственное имя.

Итан улыбнулся.

– Это не ранчо. Но мы называем его «Ритц»⁶.

– Не крутовато ли для сельской глуши?

– В том-то и смысл, – объяснила Эллисон. – Это шутка такая.

Искоса глянув на нее, Джейми кивнула.

– Кстати, прошу прощения. Вломилась среди ночи, в самую метель... Потревожила «Ритц»...

– Должно быть, имелся веский повод, – заметила Эллисон. На ней были свободные тренировочные штаны и куда более обтягивающий джемпер с длинными рукавами. Она была босиком, и Джейми Беннетт возвышалась над ней как минимум на шесть дюймов⁷. Буря за окном Эллисон ничуть не

⁶ Название сети шикарных отелей.

⁷ Около 15 см.

волновала – уроженку Монтаны в третьем поколении, дочь владельца ранчо, – но Итану показалось, что каким-то образом беспокоит ее сама Джейми. И вовсе не потому, что та заявила посреди ночи. Эллисон давно уже привыкла ко всяким неожиданным гостям.

– Вот именно, – ответила Джейми, после чего повернулась к Итану. – Ты все еще ведешь те летние программы?

– Да, летом работаю только с детишками. – Он кивнул. – Подготовкой взрослых начинаю заниматься не раньше сентября. Летом – детки.

– Вот об этом я и собираюсь с тобой переговорить.

Итан вопросительно поднял брови. Он сотрудничал с инспекторами по работе с несовершеннолетними со всех концов страны – брал ребят, которым грозила колония, и вместо отсидки вел их в горы. Да, это тоже были курсы по выживанию, но при этом и нечто гораздо большее. Это отнюдь не являлось его собственным изобретением – множество подобных программ действовало по всей стране.

– У меня есть для тебя один мальчишка, – сказала Джейми. – По-моему. Надеюсь, ты захочешь им заняться.

Где-то внутри печки громко выстрелило сырое полено, и за стеклянной дверцей высоко взметнулось пламя.

– Мальчишка, – эхом отозвался Итан. – Выходит... у тебя свидетель.

Она кивнула.

– В точку.

Подвинув стул, он уселся перед печкой, и она последовала его примеру. Эллисон осталась стоять где стояла, выжидающе прислонившись к кухонной стойке.

– Почему ты хочешь, чтобы именно я его взял?

– Потому что его родители отказались от традиционной программы защиты свидетелей.

– Я-то думал, что это как раз ты занимаешься нетрадиционной защитой свидетелей.

Итан припомнил слова Джейми – что одно время она состояла в рядах государственных судебных исполнителей, но потом ушла в охрану должностных лиц. На высокооплачиваемую работу в роли личного телохранителя.

Джейми сделала глубокий вдох.

– Я крайне ограничена в том, что могу тебе рассказать. Надеюсь, ты это понимаешь. Постараюсь по максимуму обрисовать ситуацию, но не могу вдаваться в подробности, которые ты наверняка хочешь услышать.

– Ладно.

– Этот парнишка... он более чем ключевой свидетель. Я не преувеличиваю. Но я имею дело с ситуацией, в которой он и его родители испытывают довольно серьезное недоверие к правоохранительным структурам. И далеко не без причины – учитывая то, что они видели. Этот мальчишка в опасности. В *серьезной* опасности. А родители хотят оставаться с сыном, хотят избежать стандартной федеральной программы защиты свидетелей и лично все контролировать. Привлекли ме-

ня, как ты и предположил. Но...

Она умолкла. Итан немного выждал, но, когда она так и не продолжила, негромко позвал:

– Джейми?

– Но я не очень хорошо справилась, – совсем тихо произнесла она. – Я могла бы тебе что-нибудь соврать, и вообще-то уже была готова это сделать. Я собиралась сказать тебе, что этой семье мои услуги не по карману. Это тоже так. Но, Итан, я охраняла бы этого мальчишку за бесплатно, если б могла. Я совершенно серьезно. Я сделала бы это своей единственной задачей, я бы...

Опять пауза, глубокий вдох, а затем:

– Но они мне не по зубам.

– Кто?

– Люди, которые за ним охотятся.

Итан бросил было взгляд на Эллисон, но та сразу же отвела глаза.

– Ты единственный, кто сможет сделать так, чтобы парень оказался «вне зоны действия сети». Сети, в которой он застрял практически у всех на виду. Полностью. И вот тут-то руки у них будут коротки. Когда он рядом с мобильником, камерой наблюдения, компьютером, даже какой-нибудь чертовой видеоигрой, я просто чувствую, что они до него вот-вот доберутся. Но здесь... здесь, в этих практически диких горах, он не более чем иголка в стоге сена.

– Как и все мы, – сказал Итан.

– Точно. Решение, естественно, за тобой. Но я была в отчаянии, и тут меня осенило. Поначалу эта идея показалась дикой, совершенно невероятной. Но потом я присмотрелась попристальней...

– Присмотрелись попристальней к Итану? – перебила ее Эллисон.

– Частично и к нему тоже, – ровным голосом ответила Джейми Беннетт. – Но больше всего – к тому, насколько все это в принципе осуществимо. Мы делаем так, что на лето парень исчезает. Но он не в той ситуации, когда его родителей это сильно беспокоит, поскольку он не в каком-то государственном доме-убежище в новом городе, перепуганный до смерти. У меня насчет этого парня очень хорошее предчувствие. Насчет того, что ему нравится, на что он откликается, что может заставить его расслабиться... А он сейчас далеко не расслаблен, могу тебя заверить. Он просто помешан на всяких приключениях. На теории выживания. И это, естественно, заставило меня подумать о тебе. Так что я закинула эту идейку, рассказала им, кто ты такой, чем занимался и занимаешься, – и, по-моему, они купились. Так что я здесь, чтобы ты тоже купился.

– А нельзя было действовать в несколько другом порядке? – вмешалась Эллисон. – Обсудить этот план с нами и только потом уже подписывать на него мальчика и его родителей?

Джейми секунду изучающе смотрела на нее, а потом едва

заметно кивнула.

– Вполне понимаю ваши чувства. Но реальность такова, что я стараюсь свести к совершеннейшему минимуму число людей, которым известно даже просто о существовании этого парнишки. Если б я все вам рассказала, а родители не согласились, в Монтане появились бы люди, которые полностью в курсе ситуации, и толку от всего было бы ноль.

– Разумно, – кивнул Итан. – Но Эллисон подняла хорошую тему. Вопрос не только в том, что подписать *меня* или нас обоих. Вообще-то там будут и другие ребята. Другие ребята, которые тоже могут оказаться в опасности и за которых я несу прямую ответственность. Это для меня вопрос номер один.

– Могу тебе сказать, могу тебя заверить: я бы никогда ничего подобного не предложила, если б чувствовала, что могу подвергнуть риску других детей. Для начала этот парнишка должен исчезнуть из внешнего мира еще до того, как прибудет сюда. Этот вопрос я уже тщательнейшим образом проработала. Я знаю, как сделать так, чтобы он бесследно исчез. Я введу его в программу под вымышленными личными данными. Даже ты не будешь знать, кто он на самом деле такой. И тебе не стоит даже пытаться это выяснить.

Итан кивнул.

– Второе, – продолжала она. – Нам известно, за кем присматривать. Нам известно, кто представляет для него угрозу. Если они вдруг снимутся с места... переместятся со своей

базы, мне сразу станет об этом известно. Они не смогут втихую проникнуть в Монтану так, чтобы я про это не знала. И как только они снимутся с места, я обеспечу полную защиту для всей твоей группы. Для *всех без исключения*.

Итан молчал. Джейми наклонилась к нему.

– И да позволено мне будет высказать свое мнение: этот парень нуждается в том, чему ты учишь! Дело не просто в том, чтобы его тут спрятать, Итан. Мальчишка в полном раздрае и отчаянно пытается собрать себя обратно. Он испуган. Ты можешь сделать его сильнее. Я *знаю* это, потому что сама проходила это с тобой.

Итан отвел глаза от Джейми и посмотрел на Эллисон, но в ее бесстрастном взгляде абсолютно ничего не читалось. Решение было за ним. Он опять посмотрел на Джейми.

– Послушай, – сказала та, – я сюда не по собственной прихоти приехала. Но и давить на тебя тоже не собираюсь. Просто выкладываю тебе все как есть относительно этого сценария и прошу помощи.

Отвернувшись от нее, Итан посмотрел за окно. Там по-прежнему густо валил снег и еще даже не рассветало. В отражении стекла ему было видно, как Эллисон и Джейми застыли в ожидании, когда он заговорит. Вид у Джейми был более напряженный, чем у Эллисон, поскольку та понимала, что Итан не из тех людей, которые принимают решения с кондачка, что как раз ему-то прекрасно известно: именно скоропалительные решения чаще всего и приводят к серьезным

неприятностям. Он выпрямился на стуле, отпил еще кофе и посмотрел на их отражения в стекле, запертые там в свете фонаря среди кружащего снаружи снега, – ночное окно, если глянуть на него под правильным углом, способно чудесным образом одновременно показать то, что находится за ним, и то, что располагается перед ним.

– Ты считаешь, что его обязательно убьют, если все будет идти прежним манером, – полуутвердительно произнес он.

– Считаю.

– А каков твой альтернативный план? На случай, если я скажу «нет».

– Я надеюсь, что ты скажешь...

– Я понимаю, на что ты надеешься! Я спрашиваю, как ты поступишь, если я откажусь.

– Попробую найти ему такую же программу, как у тебя. С кем-то, кто способен убрать мальчишку из зоны электронного контроля, кто обладает достаточной подготовкой, чтобы его защитить. Но я не найду человека, которому настолько доверяю, не найду того, за кого могу лично поручиться. Вот что для меня самое важное.

Отвернувшись от окна, Итан посмотрел Джейми Беннетт прямо в глаза.

– Ты точно не допустишь, чтобы этого мальчишку и тут преследовали? Уверена, что можешь это гарантировать?

– На все сто процентов.

– Стопроцентной уверенности не бывает. – Поднявшись,

Итан показал на погруженный во тьму дверной проем. – Вон там гостевая спальня. Возьми фонарик – вон он, на столике – и устраивайся как дома. Утром поговорим.

Джейми Беннетт уставилась на него.

– Так ты не собираешься прямо сейчас дать мне ответ?

– Я собираюсь немного поспать, – откликнулся Итан. – А потом дам тебе ответ.

* * *

Оставшись одни в темной спальне, они тихонько перешептывались под завывание ветра, прикидывая различные варианты развития событий – как хорошие, так и самые плохие. Во второй категории возможных вариантов оказалось намного больше.

– Выкладывай, что думаешь, Эллисон. Что *ты сама* думаешь.

Она ненадолго притихла. Они лежали в кровати лицом к лицу, и одной рукой Итан обнимал ее за спину, чувствуя, как при каждом вдохе и выдохе поднимаются и опадают ее упругие, лишенные лишнего жира мышцы. Ее темные волосы, рассыпавшиеся по подушке, касались его щеки.

– Ты можешь отказаться, – произнесла она наконец.

– Думаешь, нам надо именно так и поступить?

– Я не так выразилась.

– Растолкуй.

Эллисон сделала глубокий вдох.

– Ты все равно не сможешь ей отказать! Ты будешь просматривать все новости, искать любые упоминания о ребенке, которого убили или который бесследно пропал! Ты будешь звонить Джейми и требовать подробностей, которыми она не имеет права с тобой поделиться. Все лето только и будешь гадать, не отправил ли ты его по гибельному пути, тогда как мог от такого пути избавить... Я ошибаюсь?

Итан не ответил.

– Ты тоже в это веришь, – тихонько сказала она. – И это хорошо.

– Верю в то, что она рассказала? Естественно, верю.

– Нет, – отмахнулась Эллисон, – ты веришь, что это действительно может ему помочь! Что когда он вернется обратно в привычный мир и сразу же получит мордой об стол, то будет готов к этому больше, чем до того, как попал сюда. До того, как он попал к тебе.

– Думаю, от всего этого действительно есть толк, – задумчиво проговорил Итан. – Временами я уверен, что толк есть.

– Я знаю, что есть, – негромко произнесла Эллисон.

Она все понимала с самого начала. Или, по крайней мере, понимала, что им движет, и не сомневалась, что уж сам-то он точно не сомневается, что толк есть. Это была решающая отправная точка. Многие люди, с которыми он на эту тему беседовал, воспринимали теорию программы без души. Может, дело было в нем самом. Может, он просто не мог долж-

ным образом это объяснить, или же это просто было то, что вообще нельзя хоть как-то объяснить – скорее, можно лишь чувствовать. Может, вам самому надо быть шестнадцатилетним подростком с деспотичным отцом, которого вечно ничего не устраивает, и оказаться на самом пороге детской колонии – с перспективой со временем заработать куда более продолжительные сроки в куда более худших местах, – а затем попасть в красивый, но пугающий горный массиве, ничего тут не зная и не умея, и поймать себя на том, что что-то отсюда осталось внутри тебя, когда тебя отправили назад. Даже когда гор больше нет и воздух наполнен выхлопами, а не ледниковой прохладой, а возникшие перед тобой проблемы нельзя разрешить просто при помощи отрезка парашютного шнура и умения завязать правильный узел с закрытыми глазами. Если вы способны обнаружить это и удержать внутри себя – эту свечу уверенности в себе, горящую во тьме, – все будет вам по плечу. Он знал это. Он сам через это прошел.

«Короче, ты научился разводить костер», – буркнул ему его старик, когда Итан пытался объяснить этот опыт, не умея должным образом выразить свои чувства. Да, разжигать костер он действительно научился. А вот то, *что* с ним сделали эти умения, то чувство уверенности, которое они подарили, то, как захватывало у него дух в этих горах, как они на него повлияли. . . Все это он так и не сумел выразить в словах. Все, что он мог, это просто показать окружающим: никаких про-

блем с законом после шестнадцати лет, впечатляющая карьера в военно-воздушных силах, целый набор лент, медалей и благодарностей в приказе. Все это родилось в пламени первого костра, который Итан развел собственными руками без посторонней помощи, но какими словами это объяснишь, как разложишь по полочкам?

– Короче, ты этим займешься, – резюмировала Эллисон. – Утром дашь согласие.

Вместо подтверждения он сам задал вопрос:

– А что тебе в ней так не нравится?

– Я не говорила, что мне что-то в ней не нравится.

– Повторю вопрос. На сей раз в надежде на ответ.

Эллисон вздохнула и положила голову ему на грудь.

– Она слетела на машине с дороги в метель.

– Тебя беспокоит тот факт, что она плохой водитель?

– Нет, – сказала Эллисон. – Меня беспокоит тот факт, что она действует сгоряча и делает ошибки.

Итан промолчал. Заинтригованный этим наблюдением. На первый взгляд оно казалось не совсем справедливым, излишне критическим и прямолинейным, но Эллисон всего лишь упомянула те самые вещи, которым Итан сам обучал других вот уже многие годы. Принимая решения, нужно соблюдать определенные правила. А здесь эти правила явно не соблюдались.

– Просто имей это в виду, – добавила Эллисон, – когда будешь говорить ей, что возьмешься.

– Выходит, я уже готов взяться?

– Ты всегда готов взяться, Итан. Тебе просто нужно выполнить необходимые ритуалы. Которые позволяют тебе убедить себя, что ты сделал правильный выбор.

– Ты хочешь сказать, что это не так?

– Нет, Итан. Я хочу сказать, что действительно не знаю, что из этого выйдет. Но я знаю, что ты собираешься сказать «да».

Потом они наконец заснули, а утром он сообщил Джейми Беннетт, что берется за эту работу, после чего они занялись поисками эвакуатора, чтобы разобраться с разбитой прокатной машиной. Обычная ошибка, уверял себя Итан, это равно ни о чем не свидетельствует.

Но после предостережения Эллисон никак не мог выбросить из головы одно: сразу после своего катастрофического полуночного появления Джейми первым делом призналась ему, что слышала прогноз и проигнорировала его, убежденная в том, что все равно сумеет прорваться сквозь снежную бурю.

Поднявшись наверх на перевал, под клацанье цепей и завывание лебедек они вытащили жертву этой ее ошибки из снежных сугробов.

Йен был не на дежурстве, когда они приехали за ним, но он был по-прежнему в мундире и при оружии, а для людей это обычно кое-что значит, точно? Когда у тебя значок на груди, кобура на ремне... Он чувствовал себя невероятно могущественным в таких ситуациях. С самого момента выпуска из академии не мог забыть тот первый раз, когда надел форму и ощутил себя каким-то чертовым гладиатором, не меньше.

«Ну, млять, держитесь теперь!» – подумал он тогда, и с годами эта бахвалистая чванливость ничуть не стерлась. Йен прекрасно сознавал, что неприкасаемых не бывает, и к таковым себя не относил – для этого он побывал на слишком многих похоронах своих коллег, успел пожать слишком много не тех рук и передать множество наличных тому, кому не следовало, – но день за днем, час за часом по-прежнему чувствовал силу, когда был в полицейской форме. А люди такое замечают. Некоторые уважают тебя, некоторые боятся, некоторые даже до смерти ненавидят, но одно можно сказать точно – они, млять, это замечают!

Братья Блэкуэлл нервировали его прежде всего тем, что они, похоже, этого не замечали. Значок ничего для них ровным счетом не значил, пистолет – тем более. Их бледно-голубые глаза могли просто скользнуть по тебе, словно прово-

дя инвентаризацию, ничего не выдавая наружу. Индифферентно. Даже скучающе.

Подъехав, Йен сразу увидел их пикап. Черный «Ф-150»⁸ с тонированными стеклами – глухо тонированными наперекор всем правилам. Даже радиаторная решетка у него была черной. Он предположил, что они все еще внутри, так что вылез из своей патрульной машины, сделал глубокий вдох и поддернул повыше ремень, зная, что Блэкуэллы наблюдают за ним, и желая напомнить им, что он вооружен, даже хотя им вроде и плевать на это. Поднялся на террасу и откинул крышку охладителя для пива. Лед уже растаял, но внутри в относительно холодной воде еще плавала пара банок «Миллер Лайт» – он вытащил одну и выпил прямо на крыльце, прислонившись к перилам и не сводя взгляда с черного пикапа в ожидании, когда они из него вылезут.

Блэкуэллы так и не появились.

– Да пошли они, – бросил он сам себе, когда пиво кончилось. Пущай сидят, если хочется. Не хватало еще самому подходить к ним и стучаться в эту долбаную дверцу, словно он готов плясать под их дудку. Так дела не делаются. Придется им самим подойти к нему, нравится им это или нет.

Йен смял банку в кулаке и бросил ее в мусорное ведро на террасе, в котором пустых банок уже накопилось столько, что та просто отскочила и свалилась на пол. Не обратив на

⁸ «Форд Ф-150» – один из самых крупных и мощных американских пикапов, практически грузовик.

это внимания, подошел к двери и отпер ее, ненавидя нехорошее чувство, которое возникло, едва он повернулся к черному пикапу спиной. Потом открыл дверь, ступил внутрь и увидел, что они расположились у него в гостиной.

– Какого хера вы тут забыли? Вы вломились в *мой дом*?

Ответа не последовало, и Йен впервые по-настоящему похолодел. Отбросил это чувство и громко захлопнул за собой дверь, пытаясь сдержать гнев. Вообще-то они работают на него. Нужно напомнить им это, дабы убедиться, что они тоже это помнят.

– Вы, парни, – произнес он, качая головой, – когда-нибудь наживете себе на жопу приключений, вы вообще в курсе?

Джек Блэкуэлл сидел в любимом раскладном кресле Йена. Откинул спинку настолько, что вытянулся на нем во весь рост. Он был старшим из двух братьев, немного повыше, немного постройнее. Ни один из них не выглядел особо мускулистым, но Йен уже видел силу этих жилистых тел в деле, видел жуткие захваты их необычайно крупных рук – то, как эти длинные пальцы могут превратиться в стальные крючья. Прическа у Джека была, как у какого-то пляжного обалдуя, любителя серфинга и девок в бикини – волосы свисали до самого воротничка, такие светлые, что казались выбеленными, хотя одевался он всегда в какие-то неброские помятые шмотки, обычно во все черное. Его младший брат выглядел по-другому, словно ему было важно отделиться от Джека, словно он и не ошивался постоянно где-то неподалеку

от старшего, как приклеенный. Патрик сошел бы за морпеха: волосы подрезаны бритвой, а не подстрижены ножницами, всегда тщательно выглаженные рубашки со стрелками от утюга и сверкающие сапожки. Он стоял в проходе между гостиной и кухней, сложив руки на груди. Похоже, он вообще никогда не присаживался.

– Вы вообще понимаете, насколько это глупо? – продолжал Йен. – Насколько рискованно? Какой-нибудь сосед замечает, как вы, тупые мудаки, сюда зашли, потом вызывает патрульных, и у нас сразу большие проблемы. Долбаная дурь, вот что это такое!

Джек Блэкуэлл произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Он просто обожает читать лекции.

– Я заметил, – откликнулся Патрик Блэкуэлл. – В основном на тему разума. Или, вернее, отсутствия такового. Хотя не могу сказать, что он в избытке у самого лектора. Ты обратил внимание?

– Еще как обратил.

Это была их давно заведенная схема. Разговаривать друг с другом, словно они одни в помещении. Жутковатая манера. Йену уже не раз доводилось такое слышать, и это ему никогда не нравилось.

– Послушайте, – сказал он. – У меня был тяжелый день, парни. И мне недосуг участвовать в вашем спектакле. Выкладываете, какого хера вы сюда приперлись, а потом про-

валивайте на хрен.

– И гостеприимство здесь не в избытке, – заметил Джек Блэкуэлл.

– Тоже заметно, – согласился Патрик. – Человек стоял у себя на крыльце, наслаждался холодным пивом, а нам даже не предложил.

– Причем не похоже, чтобы та банка была у него последняя. Так что все-таки оставалась надежда, что таковое предложение последует, но, увы, мы его так и не дождались. – Глядя на брата, Джек покачал головой. – Ты думаешь, давно это у него? Недостаток манер?

– Ты предполагаешь, что во всем надо винить его родителей? Что это приобретенное поведение? – Патрик поджал губы, должным образом обдумывая вопрос. – Затрудняюсь сказать с большой долей уверенности. Но это не исключено. Да, это ничуть не исключено.

– Эй, вы, долбозвоны! – сказал Йен, рука которого сама собой скользнула к пистолету. – Я тут, мля, не шучу. Если у вас есть что сказать, то самое время. Если нет – проваливайте.

Джек все еще смотрел на Патрика, но тот внимательно наблюдал за Йеном.

– В другой ситуации я мог бы интерпретировать его поведение как угрожающее. Вон, даже за стволом полез... Видел?

Джек повернулся и нацелил свои бледно-голубые глаза на Йена.

– Нет, не успел. Но ты прав. Это действительно угрожающая поза.

Йен решил, что с него хватит; ощущение пистолетной рукоятки под рукой прибавило ему уверенности. Он протянул руку к двери, повернул ручку и широко распахнул ее.

– Убирайтесь.

Джек Блэкуэлл шумно выдохнул, потом опустил подножку кресла и сел, подавшись вперед и опершись локтями в колени.

– Мальчишка так и пропал с концами. Предполагалось, что к настоящему моменту вы все разведаете. Выясните его местоположение.

Йен прикрыл дверь.

– Я как раз этим занимаюсь.

Джек медленно кивнул – одновременно и понимающе, и разочарованно. Ну прямо как отец, который выслушивает сбивчивые объяснения непутевого сына; священник, внимающий исповеди в совершенных грехах.

– Ваши источники среди судебных исполнителей, Йен, оказались вовсе не тем, чем обещали стать.

– Суеты много, – Патрик согласно кивнул, – а результата ноль.

– Пацан не в госпрограмме по защите свидетелей, – сказал Йен. – Вы уж мне поверьте.

– Но и дома его тоже нет. Поверьте *нам*.

– Я все понимаю. Но говорю вам, его не включили в про-

грамму. А мои источники себя стоят. Круче только тучи.

– Во что в данный момент очень трудно поверить, учитывая все обстоятельства.

– Дайте время.

– Время... Конечно. А вы понимаете, насколько нас напугает подобная ситуация? – спросил Джек.

Йен почувствовал, как где-то в черепе у него начинает ту-по пульсировать – первый знак бессильного бешенства, которое обычно приводило к тому, что проливалась чья-нибудь кровь. Он был не из тех людей, которые хорошо справляются с бешенством, рожденным собственным бессилием. Йен уже некоторое время назад понял, что допустил большую ошибку, заключив подобный альянс, но при всех своих странных вывертах и эксцентричном поведении братья Блэкуэлл были действительно мастера в своей области. Работу они выполняли профессионально, ошибок не допускали и старались держаться в тени. Да, они были холодные и жестокие, но он хорошо понимал людей, которые холодны и жестоки, и единственное, что его заботило, – это насколько они хороши в своем деле. А тут братьям Блэкуэлл равных не было. Но его терпение при виде их штук на глазах испарялось.

– Мальчишка, – произнес он, – это и для меня большая проблема. Все это в конце концов замыкается на меня, лучше вам не забывать об этом. Лучше не забывать, кто платит вам за работу.

– Опять лекции, – вздохнул Патрик, качая головой. – Ты

слышал?

– Слышал, – Джек кивнул. – Похоже, что ставится под сомнение наш уровень понимания. В очередной раз.

– Да заткнитесь вы, млять! – выкрикнул Йен. – Хватит нести всякую херню, как будто меня тут нету! Завязывайте. Я уже один раз вам все изложил, о'кей? Парень не в госпрограмме. Если б он туда попал, мне сразу стало бы об этом известно. А в данный момент его там нет. Так что ваша задача выяснить, где он. И побыстрее.

– Ходят тут слухи, – произнес Джек. – Припоминаешь, Патрик?

– Переговоры с прокуратурой. Ты про эти слухи?

– Ну уже всяко не о шансах «Кабс»⁹ перед конечным сроком для покупки игроков! Так что да, естественно, про них.

Йен слушал их и проклинал себя за то, что не нажал на газ, едва завидев их пикап. Он всегда контролировал этих двоих, по крайней мере в теории, но никогда не *чувствовал* этого контроля. А теперь окончательно осознал, какую ошибку в свое время совершил. Умный человек никогда не возьмет бойцовых собак напрокат – он сам их вырастит. Почему? Да потому что иначе никогда не сможет им полностью доверять.

– Послушайте, – сказал он. – Я не знаю, какую чушь вы тут обсуждаете, со всеми этими слухами и прочим дерьмом.

⁹ «*Чикаго Кабс*» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге США. По правилам, покупка и включение в состав команды новых игроков производятся только в строго определенные сроки.

Никто не хочет поскорей покончить с этим делом больше меня. Родители знают, где этот малец, вы можете на это рассчитывать.

– Согласится эта мамаша с нами побеседовать, Патрик? Как думаешь? – Это от Джека.

– Да любой согласится, если использовать правильные стимулы! По крайней мере, насколько нам известно на основе многолетнего опыта.

– Святая правда. Но скажут ли родители то, что мы хотим от них услышать в ходе нашей беседы?

– А вот это уже гораздо более трудный вопрос. У них, в конце концов, нет ничего, кроме этого мальчугана. При таких обстоятельствах даже самые убедительные аргументы могут оказаться несостоятельными. Все будет зависеть от глубины их привязанности.

– Золотые слова, просто с языка у меня снял! У родителей теперь есть наблюдатели. Поддержка правоохранительных структур, обвинитель, который решительно настроен использовать этого парня как ключевого свидетеля и который наверняка запудрил им мозги, заставив поверить, будто их отпрыску можно обеспечить полную безопасность и будто все, что парню надо сделать, это просто явиться в суд. Ты, наверное, помнишь, как Йен велел нам оставить место происшествия без этого парнишки, аргументируя это тем, что нечего нам зря тратить время на какого-то мальчика, который, цитирую, «может, и вообще ни хрена не видел». И это да-

ло родителям время обратиться за сторонней поддержкой. Я бы сказал, и можешь меня поправить, если почувствуешь в этом необходимость, что родители – это вариант достаточно слабый.

– Целиком и полностью согласен. – Патрик кивнул, не сводя глаз с Йена. Господи, до чего же бледные глаза! Йен просто ненавидел их глаза, их дурацкие словесные игры, всю их манеру вести себя в целом. Даже когда пытаешься их взбесить, и то не получается! Ему так и не удалось хоть как-то сломать эту плоскую монотонность, с которой тянулся разговор.

– Тогда найдите другой вариант, – сказал Йен. – Это ваша работа. Идите и ищите! Выметайтесь на хрен из моего дома и займитесь делом.

– За сколько? – поинтересовался Джек.

Йен уставился на него.

– За *сколько*?

– Да. Какие расценки, Йен?

– Ты полагаешь, что я должен платить вам за устранение свидетеля, которого вы сами и оставили? Платить, блин, за то, чтобы вы разгребли ту кучу говна, которую сами и навалили?

– Эта куча говна, – произнес Джек, по-прежнему глядя в пол, – появилась в тот момент, когда мы уже на вас работали. Эта куча говна – часть уже существующей кучи. Той самой, за разгребание которой вы нам заплатили. Вашей собствен-

ной кучи.

– Я рассчитывал, что вы справитесь получше.

Джек бросил взгляд вправо, на Патрика, который был футах в десяти от него. Тот переместился дальше от брата на несколько шагов.

– Мы разочаровали его, Патрик.

– Похоже на то.

Джек повернулся к Йену, посмотрел ему прямо в глаза. Теперь уже оба брата неотрывно смотрели на него, две пары этих леденящих взглядов. Йен вдруг пожалел, что закрыл дверь.

– Новая куча – это часть старой, детектив О’Нил, – произнес Джек. – Владете одной – владеете и другой. Это примерно как с нами... – Он махнул рукой между собой и братом. – Один платеж. Два Блэкуэлла. Получаете одного – получаете и другого. Вы следите за моей мыслью? Улавливаете связь?

– Никаких денег вы не получите, – сказал Йен. Во рту у него пересохло, рука уже окончательно доползла до пистолета и крепко вцепилась в рукоятку. Ни один из них даже не моргнул. Он знал, что Блэкуэллы все видят, и хотел, чтобы они забеспокоились. Почему же они не беспокоятся?

– Если так, – произнес Джек, – то почему же, ради всего святого, мы должны убивать этого мальчика?

– Ты серьезно?

Джек терпеливо кивнул.

– Да он же, блин, может вас посадить! Обоих! Получаешь

одного, получаешь и другого, так ты сказал? Ну что ж, дружок, вот вас обоих он и получит. Всех нас получит. Но у меня, по крайней мере, есть шанс. А вот у вас... Он вас обоих *видел*.

– Выходит, вы рассуждаете следующим образом: мы убиваем за деньги, или же мы убиваем, чтобы защитить себя. Есть те, кто платит, и есть те, кто представляет собой угрозу. Так?

– Так, – Йен кивнул.

Джек надолго уставился на него, не произнося ни слова. Нарушил молчание на сей раз Патрик:

– И вы, Йен, к числу плательщиков более не относитесь.

Проблема заключалась в том, что их было двое. Пытаешься одновременно следить за обоими, но они никогда не оказываются рядом. Всегда держатся на расстоянии друг от друга. Так что один начинает говорить, ты переводишь на него взгляд, а за вторым можешь наблюдать только краем глаза. Потом уже этот что-то говорит, и теперь первого видно только краем глаза. В тот момент Йен разговаривал с Джеком, его взгляд был сфокусирован на Джеке, он смотрел на Джека, положив руку на рукоять пистолета, готовый в любой момент выхватить его и выстрелить. Но вот заговорил Патрик, и Йен сделал то, что велел ему инстинкт, – посмотрел в его сторону.

Смотрел не туда, куда нужно, когда почувствовал какое-то быстрое движение со стороны Джека, и едва успел крута-

нутья на месте и выхватить свой «глок», как в руке у Джека Блэкуэлла словно сам собой возник ствол, который дважды дернулся, и Йен повалился на колени посреди собственной гостиной, обильно заливая пол красной кровью. Он не рассчитывал умереть вот так, даже не успев выстрелить в ответ, но теперь смотрел на Джека, а еще был Патрик с другой стороны, которого Йен видел краем глаза, и когда выстрелы последовали с той стороны, Йен опять был повернут лицом не в ту сторону.

Получаешь одного, получаешь и другого.

Детектив-сержант Йен О'Нил был уже мертв и неподвижно лежал на полу своей гостиной, когда братья Блэкуэлл покинули его дом, не забыв тщательно запереть дверь, и вернулись к своему пикапу.

– Он сказал одну разумную вещь, – проговорил Патрик, проскальзывая за руль. – Насчет причин кого-то убивать. Деньги или угроза. Прозвучало довольно убедительно.

– Да, иногда на него накатывало, – отозвался Джек, убирая пистолет в бардачок на центральной консоли и придерживая крышку, чтобы Патрик положил туда свой.

– И все равно, – сказал тот, – мне хотелось бы получить деньги за этого мальчика.

– Юный Джейс не сулит нам никакого прибытку, это правда. Хотя риск...

– Да, – кивнул Патрик, с подгазовкой возрождая к жизни здоровенный восьмицилиндровый мотор. – Риск существен-

ный. Так что, пожалуй, придется нам его все-таки разыскать.
– Полагаю, что да.

Даже не пробуй угадать.

Именно таким правилом Эллисон руководствовалась в тот день. Она просмотрела все их личные дела, знала про этих мальчишек почти все – оставалось лишь посмотреть на них собственными глазами.

– Это не важно, – произнесла она, задавая корм Танго, своему любимцу, который еще только оправлялся после серьезного перелома. Его лягнула другая лошадь, кость ноги треснула на всю длину, но, к счастью, перелом оказался безосколочным – в противном случае коня пришлось бы отправить на живодерню. А так оставалась надежда, пусть даже Танго никогда уже не восстановит прежние стати. «На больничном» он был уже четвертый месяц, и это означало, что больше трех месяцев ни разу не прилег. Так и простоял все эти девяносто четыре дня подряд. На нем была специальная удерживающая уздечка, привязанная к двум туго натянутым лентам, которые не позволяли ему лечь на брюхо. Если бы ему это все-таки удалось, велики были бы шансы, что нога будет окончательно повреждена, поскольку ему пришлось бы сильно напрячь передние ноги, чтобы опять встать.

Так и стоял, бедолага. Не выдавал никаких признаков боли, расстройства или утомления. Эллисон всю свою жизнь имела дело с лошадьми и знала, что им не обязательно ло-

житься, чтобы поспать или просто отдохнуть – так, как людям и множеству остальных животных, – но все же, когда она видела, как он терпеливо и неуклонно стоит так день за днем, сердце у нее непроизвольно сжималось.

Ухаживая за конем, она разговаривала с ним, и он отвечал ей сериями коротких пофыркиваний и – фирменная фишка Танго – вдруг пускал ей на руку длинную плеть вязкой слюны. Это было выражение признательности. Это означало, что он в полном восторге.

– Еще только две недельки, толстяк, – сказала Эллисон. Ровно столько оставалось ему терпеть уздечку. Передняя нога должна была уже окончательно зажить, его уже выводили на прогулки, но без седока. Она не могла дождаться, когда вновь оседлает его. Это было самое долгожданное событие предстоящего, полного хлопот лета.

Некогда ей доводилось участвовать во всяких конных шоу в Монтане. Ярмарки, соревнования, пышные исторические реконструкции... Ее мать просто обожала этот мир, чего не скажешь об Эллисон. Но лошади для матери всегда были на втором месте – ее больше интересовало, как Эллисон одета, как причесана, как держится в седле. Это было для нее самое важное. С какого-то момента начинаешь гадать – кого же в самом деле выпускают на шоу.

Она все еще разговаривала с конем, когда подкатил микроавтобус, и вот они перед ней: шестеро мальчишек того сорта, какого она встречала каждое лето, и еще один, который

сбежал от убийцы. Они стали выгружать свои вещи перед спальным баракком – простеньким домиком без электричества и водопровода. Во время знакомства Эллисон уже тщательно изучила их, не удержалась – пожелание не пробовать угадать звучало теперь смехотворно.

Вот Дрю, шестнадцать лет, из Вермонта. Высокий, угрюмый, которому явно сейчас хотелось оказаться где угодно, но только не здесь. Реймонд, пятнадцать лет, из Хьюстона. Его темные глаза так и метались по сторонам, словно он оценивал все возможные угрозы. Коннор, четырнадцать лет, из Огайо, который при знакомстве сразу же уставился на сиськи Эллисон – и покраснел, когда понял, что его раскрыли. Ти, четырнадцать лет, из Индианы – маленький крепыш, еще больше надувшийся, чтобы максимально продемонстрировать свою мускулатуру. Джефф, пятнадцать лет, из Канзаса, который держался позади остальных и избегал встречаться с кем-нибудь взглядом даже во время процедуры знакомства. Марко, пятнадцать лет, из Лас-Крусеса, уже успевший взять на себя роль клоуна в классе, сыпя шуточками насчет «ковбойского компаунда», вызывавшими улыбку у Брюса, пятнадцать лет, из Чикаго, – хотя и довольно нервную улыбку.

Эллисон уже успела отсеять возможных кандидатов. Брюс чувствует себя неловко и явно изо всех сил пытается с кем-нибудь подружиться. Не исключено. У Джеффа и Дрю вид такой, будто обоим хочется свалить отсюда при первой же возможности, хотя у Дрю буквально на лице написаны про-

блемы с поведением, а Джефф так просто испуган.

«Скорее всего Джефф», – решила Эллисон и только тут поняла, что Итан внимательно за ней наблюдает. Улыбнувшись ему, она поспешно отвернулась, ругая себя за промашку.

«Ну ладно, не важно».

Но все равно она ничего не могла с собой поделывать. Было обидно, что они остаются в неведении, хотя логика подобного решения была совершенно ясна.

– Помните тех коров, которых мы видели по дороге? – спросил Итан. – Страшных горных коров? Так вот, они принадлежат как раз моей присутствующей здесь супруге.

– И как же это вы позволяете им так вот запросто гулять по шоссе? – спросил тот, кого звали Реймонд. – Пришлось долго бибикать, чтобы они нас пропустили.

– Аренда общественных земель обходится дешевле всего, – ответила Эллисон с улыбкой. – Что я могу сказать? Я предпочитаю экономить свои доллары.

– Но как, мля...

– Речь! – перебил Итан.

– Простите. Но как вы заманиваете их *обратно*?

– Этим занимаются ковбои, – ответила Эллисон.

– Мля, *в натуре*? Реальные ков...

– *Речь!* – повторил Итан. – Реймонд, у нас так и будут с этим проблемы?

Реймонд пожал плечами. На лице у него играла едва за-

метная ухмылочка. Посмотрев на него, Эллисон подумала: «Нет, этот слишком уверен в себе, он не испуган; а тот, кто нам нужен, обязательно должен быть испуган». Все поступившие ребята были белыми, за исключением Марко – смуглого латиноамериканца. «Какое-то большое дело по торговле наркотиками, наверное, или приграничные убийства – один из этих наркокартелей, про которые ты читала», – подумала она, но тут же сама себя осекла: «Да ты что, расистская сука, и впрямь так думаешь? Что это ты себе уже накручиваешь?»

– Ковбои! – повторил Реймонд, с хихиканьем крутя головой. – За дурачка меня держите?

– Ладно, вперед – идите устраивайтесь, – приказал Итан мальчикам. – Коек там шестнадцать, а вас всего семь, так что проблем с размещением не будет. Встречаемся в четыре у костра, на этом самом месте. Отдохните немного, расслабьтесь. Отдайте должное матрасам. Скоро будете спать вон там.

Он указал туда, где на фоне серого неба громоздились Пайлот-пик и Индекс-пик, и мальчишки подняли туда взгляды. Судя по выражению их лиц, можно было подумать, что они смотрят на зловещие каменные памятники тем, кто сгинул в этих горах до них.

– И мы туда полезем? – спросил Коннор.

– Нет, чувак, поднимемся на эскалаторе. – Это от Марко, который выдал смешок.

– Да, в горы тоже пойдем, – сказал Итан. – Но только не

на эти, они вам не по зубам. По крайней мере, пока. Ладно, давайте устраивайтесь, встречаемся у костра ровно в четыре. Поговорим о снаряжении, которое понадобится вам в походе. Если забудете что-нибудь полезное – будете грызть ногти, так что предлагаю слушать внимательно.

Они затащили свои вещи в барак. У большинства были обычные чемоданы или дорожные сумки, рюкзаков оказалось совсем мало. Группа была маленькая, но намеренно маленькая. Разрешения и страховка Итана позволяли ему водить группы численностью не более восьми человек. Окажись их больше восьми, как иногда случалось, понадобился бы дополнительный инструктор.

Когда мальчишки скрылись в бараке и они остались вдвоем, Итан повернулся к Эллисон.

– По-моему, это Дрю. По выговору не похоже, что он из Новой Англии, откуда он якобы по документам, и здесь ему явно не по вкусу, хотя ему вроде интересно, чем мы тут занимаемся.

Она ошарашенно уставилась на него, а он улыбнулся и добавил:

– Детка! Человеку свойственно любопытство. Мы же не пытаемся это вызнать, но давай будем хотя бы сами с собой честными: человеку свойственно любопытство.

Эллисон вздохнула и покачала головой.

– Мне все-таки хотелось бы знать.

– Откуда?

– Может, есть какой-то способ...

– Лично я его не вижу.

Она кивнула.

– Я дал им целый час, – сказал Итан. – Собираюсь немного отпустить вожжи. Им нужно самостоятельно притереться друг к другу, без взрослых.

– Ты думаешь, что до первой драки у нас есть целый час?

– Будем надеяться, – вздохнул он, а потом взял ее за руку и повел к домику.

* * *

Они лежали в постели у себя в домике, урвав тот час, пока ребята устраивались в бараке. Эллисон, повернувшись на бок, задумчиво водила пальцем по его мускулистой груди.

– Тебе больше ничего в голову не пришло? – произнесла она.

– Насчет чего? – спросил Итан, и она, убрав руку, перекадилась на спину и вздохнула, уставившись в темный потолок. Итану сразу захотелось опять ощутить ее тепло. Прошла минута, а потом еще, наверное, целых пять, когда Эллисон наконец нарушила молчание:

– А что, если кто-нибудь придет за ним?

– Не придет.

– Но ты об этом думал?

Итан примолк. Он не знал, что ей хотелось услышать, но

решил сказать все как есть, хотелось ей этого или нет.

– Да. И думаю, что я готов к их появлению. Но никто не придет.

– Ты можешь многое потерять, поставив на это. Абсолютно все потерять.

– Ничего я не потеряю.

– Да ну? А вдруг что-нибудь случится в горах, Итан? Кто-нибудь подстрелит кого-нибудь из этих ребят? Тогда тебе конец. Все, чего ты так долго строил, всему придет конец.

– Ничего не случится, Эллисон.

Она опять вздохнула, и когда он потянулся к ней, осталась неподвижной, неотзывчивой. В полутемной комнате с задернутыми шторами ему были видны лишь очертания ее тела, и он чувствовал запах ее волос и кожи, и ему хотелось прекратить этот разговор – летом им редко удавалось остаться наедине, и это время не стоило тратить на споры.

– Я могу ему помочь, – сказал Итан, проводя рукой ей сбоку по груди и прихватывая за бедро. – Кто бы это из них ни был, я могу ему помочь.

Давным-давно, когда он уволился из Военно-воздушных сил, много лет проработав инструктором по выживанию практически во всех известных человеку климатических поясах, и обосновался в горах Монтаны, у него сразу возникла мысль, как еще можно применить свои умения и навыки. Инструкторов по выживанию во всех элитных воинских подразделениях исторически готовили под эгидой Военно-воз-

душных сил – если армейский рейнджер говорит тебе, что он – инструктор по выживанию, то это значит, что он закончил программу ВВС. То же самое и у «морских котиков», то же самое у всех, независимо от рода войск и их элитности. Итан хорошо справлялся с подобными типами, поскольку хорошо понимал то, что нужно понимать. Все это были отпетые сукины дети, они могли убить вас при помощи любого оружия, известного человеку, – или, если совсем уж припрет, то и вообще без всякого оружия, – и его работа заключалась не в том, чтобы произвести на них впечатление и попытаться быть с ними в этом деле наравне. Его работа заключалась в том, чтобы дать им знания в несколько иных аспектах боевых действий, известных как ВУСП¹⁰: выживание, уклонение, сопротивление и побег. А уж в этой-то области Итан выглядел ничуть не хуже прочих.

Одной из важных вещей, которые он уяснил, готовя подобных бойцов, это что корни определенного набора навыков, требующихся для выживания, кроются «между ушами» – на стыке когнитивного и эмоционального. Способность к познанию и обучению здесь неразрывно связана с искусством контролировать собственные эмоции. У кого-то из накачанных типов с этим были проблемы. У других – нет. Но при попытках донести эту мысль до умов своих курсантов он

¹⁰ *SERE* (Survival, Evasion, Resistance and Escape) – программа, созданная в конце Второй мировой войны специалистами ВВС США и получившая дальнейшее развитие в ходе войны во Вьетнаме (1959–1975).

все больше терялся в догадках, возможно ли *в принципе* искусственно внедрить в человеческий мозг установки, необходимые для выживания. Надо ли родиться с этим, нести это в какой-то искривленной ветви ДНК, или же этому можно научиться?

Есть время поразмыслить над этим, когда неделями торчишь в пустыне, в полном одиночестве под ночным небом, настолько перегруженным звездами, что это не укладывается в голове; или в джунглях, когда спишь в самодельном гамаке вне досягаемости насекомых, которые иначе сожрут тебя без остатка; или где-нибудь в Арктике, строя крепость из ледяных блоков. Что Итан уже решил, что он твердо усвоил за годы, потраченные на изучение и ремесло выживания, так это то, что полученный опыт способен принести пользу далеко за пределами того, что требовалось обучавшимся у него военным. Теперь он помогал подросткам со всех концов страны, при всех обстоятельствах, которые только можно вообразить, и знал, что проделал хорошую работу, что он многое изменил. Но, как ни старайся, ты не можешь распространить свою ответственность на тех, до кого не можешь дотянуться, потому что ты не можешь дотянуться абсолютно до всех. Тебе давно уже пришлось признать это, заставить себя принять, что некоторые так и пойдут прежней дорожкой, несмотря на все твои усилия. И хотя нынешним летом случай особый, наверное, не стоит на нем заостряться. Кем бы из нынешних ребят ни был этот парень, Итан хотел хоть

как-то воздействовать на него. Верил, что сможет.

Его жена, лежащая рядом, продолжала молчать.

– Эллисон? Пожалуйста!

Она опять повернулась к нему, перекатившись на бок. Провела рукой по его плечу, а потом взяла за щеку, приподнявшись на локте. Заглянула ему в глаза и произнесла:

– Мне было бы спокойней, если б ты был не один. Если б здесь были еще люди, хотя бы на эти недели. Реджи, например. Он справился бы.

– Реджи в Вирджинии. У него своих дел хватает.

– Ну, тогда хоть *кто-нибудь*. Чтобы не только ты тут был, совсем один...

– Ты знаешь условия моего договора. Я *должен* быть один.

– Завтра ты поведешь их в горы. Самый первый день, и ты уже тащишь их наверх?

– На сей раз нужно именно так. Ничего в этом плохого, просто по-другому. Я хочу отойти от привычных схем. Просто на всякий случай.

– Тебе надо было потребовать, чтобы кто-то вас сопровождал.

– Я люблю тебя, – сказал Итан.

– Да уж, это звучит приятней, чем «разговор окончен»... Даже если означает то же самое.

– Я люблю тебя, – повторил он.

Эллисон наклонилась и поцеловала его, а потом прижалась к нему лбом, и ее губы почти касались его губ, когда

она опять заговорила:

– Пусть будет, как будет. Я больше не стану поднимать этот вопрос. Тебе это ни к чему, и, видит бог, мне не нужно биться головой о глыбу гранита, которую ты любишь называть своим *мнением*.

– Что-то у вас нехороший тон, мисс Монтана.

– Не называй меня так!

– Прости. Я помню, ты была всего лишь «вице-мисс».

Обычно этим ему удавалось ее растормошить, превратить злость в смех. Но на сей раз Эллисон продолжала сохранять молчание. Итан обнял ее, перетащил на себя, и все же что-то было не так. Напряженные мускулы там, где они должны быть расслаблены. Он ухватил ее руками за бока и поднял над собой, и теперь наступила уже его очередь искать ее взгляд в темноте.

– Что случилось?

Она помотала головой.

– Не знаю. У меня просто плохое предчувствие. Хотя не могу точно сказать, в чем дело. Может, как раз из-за этого я так за него переживаю. Кем бы из них *он* ни был. Но вообще-то тут нечто большее. Я просто... просто душа не на месте. Что-то я дергаюсь. Места себе не нахожу. Как будто скоро что-то произойдет.

Итан только посмеялся над ней тогда – в те дни, что очень скоро настанут, он будет вспоминать снова и снова, насколько весело и даже мелодраматично прозвучало это предосте-

режение в темной спальне, когда их тела прижимались друг к другу, а домик наполняло тепло, отдающее печным дымком.

– Опять начиталась фольклора? – шутливо спросил он. Это был ее любимый жанр, и она бесчисленное число раз рассказывала о своей зависти к тем, у кого есть дар предвидения, что всегда было для него источником веселья: и то, что она в этот дар верила, и то, что желала им обзавестись. – Что ты видишь, детка? Тень луны, тень паука, или кот как-то хитро изогнул свой хвост?

– Нет, – отозвалась она. Голос ее звучал совсем тихо. – Ничего такого я не вижу. Но все равно чувствую.

– В этих горах меня до сих пор не убили. И в нынешнем году такого тоже не случится.

Эллисон промолчала.

– Детка? – сказал Итан. – Этого. Никогда. Не. Произойдет.

– Ладно, – отозвалась она. – Ладно.

Но ее голос был по-прежнему глухим и мрачным. Он осторожно прикоснулся к ее щеке, она поцеловала его ладонь и повторила в третий раз:

– Ладно.

Итан собирался задать ей еще несколько вопросов – настолько она была серьезна. Хотя вряд ли она могла толком объяснить это свое чувство, которое поднялось из чего-то непостижимого, или первобытного, или, черт побери, может, даже мистического. Но она провела ему руками по груди и по животу до самого низа, и тогда все вопросы, которые бы-

ли готовы слететь с языка, застыли у него на губах, растворились сначала в ее прохладной ладони, а потом внутри ее тепла, а после она задремала у него на груди и Итан не хотел ее беспокоить, но надо было выходить к костру к ребятам, так что он потихоньку выскользнул из постели.

Об этом ее тревожном чувстве до его ухода в горы они больше не заговаривали.

Джейс Уилсон умер.

Он погиб в том карьере, и Коннору Рейнольдсу приходилось постоянно держать это в голове. Самое сложное с новым именем – это помнить, что при знакомстве нужно называть именно его, а не старое, и реагировать, когда окружающие тебя им называют.

– Коннор? Йо? Коннор? Ты чё, типа, в отключке, чувак?

Они были в походе первый день, когда шумный парнишка, Марко, заговорил с ним, а Джейс сосредоточился на дикой местности вокруг, в благоговейном восторге от ее невиданных размеров. Расстояния ошеломляли. В Индиане ему часто доводилось ходить в походы, и он думал, что дело будет достаточно знакомое. Там, когда переваливаешь через горушку и видишь перед собой следующую точку тропы, то минут через пять-десять ты уже на месте. Здесь же это могло занять целый час, изматывающий час потения и хватания воздуха ртом, и вот ты останавливаешься, чтобы попить воды, оборачиваешься и понимаешь, что по-прежнему видишь место, откуда вышел. Такое впечатление, будто ты вообще не продвинулся.

Они продвигались по глубокому узкому ущелью меж гроздящихся по обеим сторонам гор, и отсюда Джейс был отнюдь не против любоваться их высокими пиками. Перед

выходом ему было малость неспокойно – он опасался, что они пойдут какой-нибудь тропкой для горных козлов, с которой если навернешься, то сразу каюк. Даже на шоссе ощущалось нечто подобное – пришлось притворяться, будто он спит, чтобы не видеть всех этих головокружительных поворотов, в то время как остальные ребята глазели по сторонам и только гоготали на особо крутых «языках серпантинов», – но пока что их маршрут был не так уж и плох. И, честно говоря, все это было реально круто. Плюс он ощущал себя здесь в большей безопасности, как ни странно. Здесь, в горах, у него возникло чувство, что никто к ним незаметно не подберется. И уж точно никто не останется незамеченным для Итана Сербина, который, похоже, мог заметить даже лежащую не на месте сосновую иголку. Так что уверенности заметно прибавилось, а ощущение безопасности сыграло с ним дурную шутку – когда шумный парень стал окликать его по новому имени, он и не подумал отозваться.

Когда Марко уже в четвертый раз выкрикнул его имя, все смотрели уже только на него. Даже Итан, похоже, заинтересовался. У Джейса возникло паническое чувство, что он раскрыт, что его раскусили, – а ведь ему много раз напоминали: если что в горах и пойдет не так, то только из-за этого. Если он позволит кому-нибудь узнать правду, позволит кому-нибудь узнать, что он не тот, за кого себя выдает, тогда и явятся те люди из карьера. Джейс опять подумал про них, услышал их голоса вместо голоса Марко, и паника накрыла

его с головой, принесла с собой осознание того, что придется все это как-то объяснять, придумывать причину, по которой он игнорирует этого парнишку. Нельзя было сказать, что он просто отвлекся или не услышал. Этого недостаточно. Придется играть роль до конца.

– Если б я хотел поговорить с тобой, – процедил он, уставившись Марко прямо в глаза, – то давно уже ответил бы.

Марко, разинув глаза, откинул голову.

– Ни хера себе! Эй, чел, да я...

– Прекратите! – громыхнул Итан Сербин. – Вы оба, прекратите разговорчики. Сейчас же. И за тобой должок за твой лексикон, Марко. Отработаешь, как только вернемся в лагерь. Надеюсь, тебе нравится таскать дрова. Можешь обызывать поленья как твоей душе угодно.

– Но, мужик, этот чудик...

Итан властно вытянул руку, заставляя его замолчать. Все по-прежнему тарасились на Джейса, отчего он чувствовал себя чуть ли не голым, но при этом всячески старался сохранить жесткое выражение лица, пытался выглядеть тем, кем якобы был, – проблемным пацаном с плохим поведением, хуже всех остальных. Если он будет хуже всех, они оставят его в покое.

– Коннор? Что с тобой сегодня? По какой такой причине ты выказываешь неуважение своим друзьям?

«Держись прежней линии», – приказал себе Джейс, хотя очень не хотелось играть подобную роль перед Итаном Сер-

бином, чья убедительная манера высказывать разочарование при помощи молчания очень напомнила ему собственного отца. А Джейсу приходилось угождать отцу, потому что тот часто работал сверхурочно, и вдобавок через боль, принимая таблетки, которые ему никогда не помогали. Джейс рано узнал, что чем больше он будет делать сам, чем большее число проблем уладит самостоятельно, тем лучше. Не то чтобы его отец был жестокий или злой. Просто жизнь не была добра к нему, так что Джейс старался в меру сил недостаток этого добра восполнить.

И пока та половина его, которая оставалась Джейсом, пыталась сказать: «Простите, Итан», половина Коннора говорила: «Дай ему то, что, по его мнению, ты собой представляешь», – а у Джейса хватало ума прислушиваться к этой половине.

– Да какой он мне друг? Мы здесь не из-за того, что друзья. Или потому, что нам тут так уж нравится. Вроде всем это известно.

Прозвучало то, что надо, прозвучало правильно. «Не выходи из роли, не выходи из роли!» Это был совет отца. И, естественно, ключевым моментом этого принципа было помнить, как тебя теперь зовут.

– Хорошо, – сказал Итан Сербин. – Это не твой выбор. Могу припомнить, как меня самого не раз посылали куда-то не по моему собственному выбору. А как же быть в том случае, когда требуется просто выжить? Думаешь, это твой соб-

ственный *выбор*, если вдруг упадет самолет? Будет ли это вообще хоть чей-нибудь *выбор*?

Джейс помотал головой.

– Так что будем работать с тем, что у нас есть, – продолжал Итан. – Это справедливо по отношению к стихии, погоде, припасам... всему на свете. И, конечно, это касается твоих спутников. Ты работаешь с теми, кто тебе достался. Ни с кем еще не подружился? Отлично. Может, еще подружишься. А может, и нет. Но мы не терпим лишь одного – потому что в другой ситуации мы все давно погибли бы, – это неуважения. Ты постоянно проявляешь неуважение к Марко – как он тогда придет к тебе на выручку, когда действительно будет тебе *нужен*? Когда ты сломаешь ногу и тебе понадобится, чтобы он тащил тебя на себе? Разве ты не пожалеешь, что не выказал ему несколько большее уважение, не вел себя чуточку повежливей?

Джейс мрачно пожал плечами, старательно делая вид, будто все это ему совершенно по барабану.

– Думаю, что пожалеешь, – заключил Итан. – И когда вы оба будете работать сегодня вечером вместе, собирая топливо для костра – он за свой язык, ты за неуважение, – может, до тебя это дойдет.

– Может, – отозвался Джейс, все еще пытаясь вести себя так, чтобы не выходить из роли. Итан надолго остановил на нем взгляд, а потом отвернулся.

Остальные внимательно изучали Джейса. Тот хорошо ви-

дел выражение их глаз и знал, что оно означает. Вдоволь на-смотрелся на такое на лице Уэйна Поттера. Теперь он был мишенью, и не только для людей из карьера, но и для парней, с которыми ему предстояло провести лето. А все потому, что не сумел вовремя вспомнить свое вымышленное имя...

– Хорошо, – объявил Итан Сербин, – сейчас самый момент кому-нибудь сказать мне, где мы находимся.

Ему часто приходилось проделывать подобное – внезапно остановиться и задать им какую-нибудь задачку, переключить их внимание на местность вокруг, – но сей раз у Джейса было чувство, что Итан сделал это, дабы переключить внимание с него, Джейса, словно он тоже знал, что назревает беда.

– Ни карт, ни компаса, – сказал Итан. – Скажите мне, в каком направлении мы сейчас смотрим?

Смотрели они какую-то гору. За спинами у них тоже была гора. В каком направлении, говорите? Ничего сложного. Джейс поднял глаза к солнцу – встает или садится? Так можно определить, где восток, где запад.

– Что ты делаешь, Коннор? – спросил Итан.

– Ничего.

– На что ты смотришь? – терпеливо уточнил он.

– На солнце.

– Зачем?

Джейс опять пожал плечами, все еще не желая выходить из образа, и вид у Итана стал разочарованный, хотя он и не

давил на него.

– Инстинкт подсказывает Коннору совершенно правильные действия, – сказал он.

– Бойскаут – всем деткам пример, – прошептал Марко. Да, с данного момента все оборачивалось далеко не лучшим образом.

– Небо всегда ориентирует нас, если мы заблудились, – говорил тем временем Итан. – Ночью вы можете использовать звезды, а днем – солнце. Но прямо сейчас я подозреваю, что Коннор несколько сбит с толку. Потому что где сейчас солнце, парни?

– Прямо наверху, – отозвался Дрю.

– Вот именно. Мы знаем, что оно встает на востоке и садится на западе, так что утром и вечером все просто. Но прямо сейчас? В самый полдень? Как нам узнать, в какую сторону мы смотрим?

Ответа ни у кого не нашлось.

– Об этом нам расскажут тени, – сказал Итан. Он поднял свой посох – тонкий шест с телескопическими секциями, позволяющими регулировать длину, – и воткнул кончик в землю, так, чтобы тот вертикально торчал из земли. – Дрю, возьми-ка какой-нибудь камушек и отметь тень. Как можно дальше, самый кончик.

Дрю бросил плоский голыш туда, где тень растворялась на освещенной солнцем земле.

– Две вещи мы знаем безоговорочно, – сказал Итан. – Это

что солнце встает на востоке и садится на западе. У вас может быть самый худший день во всей вашей жизни, все в мире может ополчиться против вас, но, ребята, солнце по-прежнему будет вставать на востоке и садиться на западе. И любой предмет, оказавшийся на солнце, будет отбрасывать тень. И у каждого из вас сейчас тоже своя тень.

Джейс ощутил неприятный холодок. Нет, далеко не у каждого сейчас только одна тень. У Джейса, помимо собственной, еще две другие. Они где-то в этом же самом мире и намереваются поймать его.

– Мы в Северном полушарии, так что тень движется по часовой стрелке, – сказал Итан. – Так что давайте просто дадим солнцу немного времени. Подождем, пока тень хотя бы немного переместится.

Все столпились вокруг посоха, прихлебывая воду, и ждали, пока сдвинется тень. Постепенно она сползла с камня и оказалась на пыльной земле рядом с ним. Итан, жуя орешки с изюмом – излюбленную смесь пеших туристов и альпинистов, – терпеливо не сводил взгляд с земли, пока остальные либо бестолково переминались с ноги на ногу, либо сдались и уселись на землю.

– Отлично, – произнес он наконец. – Дрю, отметь тень еще раз, другим камешком.

Дрю подсунул еще один камень по соседству с первым. Они почти касались друг друга. Выдернув посох из земли, Итан пристроил его на камешки, а потом присел на корточки

и вытащил из ножен на поясе нож с длинным лезвием. Приложил его поперек посоха – так, чтобы клинок располагался под прямым углом к нему.

– А теперь смотрите, – сказал он. – Что этот набор вам напоминает?

– Компас, – подал голос Ти. – Четыре деления, четыре разных направления.

Итан согласно кивнул.

– И что нам известно про солнце? Насчет чего оно никогда не врет?

– Как оно движется, – сказал Ти. – С востока на запад.

– Вот именно. Мы видели, как оно немного сдвинулось, хотя это нам многого не скажет, если смотреть только на него, но при помощи теней и камешков мы примерно поняли, где восток, а где запад. Это направление дает нам остальные, естественно. Так может сейчас кто-нибудь сказать, куда мы направляемся?

– К северу, – сказал Джейс. Кончик ножа указывал на север.

– Есть! В общем, это сооружение едва ли обладает такой точностью, как компас, но основные стороны света определить можно.

Они вновь двинулись в путь, и происшествие с Марко улетучилось у Джейса из головы – он шагал вперед и думал о людях из карьера, сравнивая то, что помнил о них, с тем, что знал про Итана Сербина. Подумал, что если у кого-то и бы-

ли хорошие шансы против этих двоих, то как раз у Итана. Проблема, как ее видел Джейс, заключалась попросту в числах: двое против одного. Перевес в пользу его преследователей, если они сюда заявятся. Но может, здесь, в своей стихии, Итан настолько хорош, что может сравнять шансы... А если вовремя заметит их появление, засечет их раньше, чем они засекут его, – то даже и получит преимущество. Если до этого дойдет – а Джейса клятвенно заверили, что такого никогда не случится, – он чувствовал, что наверняка придется открыть Итану, кто он такой. Единственная полученная им инструкция – просто быть Коннором, но если люди из карьера все-таки появятся, все такие инструкции пойдут побоку. Тогда ему нужно быть частью команды, нужно будет помочь Итану выработать...

Нога Джейса вдруг за что-то зацепилась, и он вздернул голову, вцепившись в лямки рюкзака. Совершенно к этому не готовый, повалился вперед на камни, судорожно всхлипнув – не от боли, а скорее от неожиданности. К тому моменту, как Итан и остальные успели обернуться, Джейс уже лежал на земле, и никто из идущих впереди не видел, что на самом деле произошло – Марко подставил ему подножку.

– Ты в порядке? – только и спросил Итан.

– Да.

Джейс опять вскочил на ноги, стряхнул с себя пыль и попытался сделать вид, что ему нисколько не больно. Падение было не слишком серьезным, и в обычных обстоятельствах

он сумел бы удержаться на ногах, но из-за непривычного веса рюкзака потерял равновесие и приложился действительно всерьез. Где-то под коленкой горячо запульсировало – наверняка ободрался в кровь. Впрочем, туристские штаны из плотной ткани не порвались, так что крови Итан не видел.

– Что случилось? – Тот уже оглядывался назад, на парней, которые замыкали группу – Марко, Реймонда и Дрю.

– Просто споткнулся, – буркнул Джейс, и взгляд Итана вернулся к нему, сфокусировался на нем.

– Просто споткнулся?

Джейс кивнул. Марко стоял прямо у него за спиной; он с преувеличенным пылом помогал ему подняться, а потом так и не отступил – стоял так близко, что Джейс чувствовал, как от него разит потом.

– Ну ладно тогда, – произнес Итан, отворачиваясь и опять устремляясь вперед. – Итак, у нас первое падение. Давайте немного поговорим о том, как мы идем и как будем приземляться, если упадем. Как вы понимаете, нас больше всего интересует как раз эта вторая стадия. Запомните: рюкзак практически не влияет на ваше равновесие, он влияет на то, с какой силой вы падаете на землю, так что по возможности попытайтесь...

– Держись на ногах, пидор, – шепнул Марко Джейсу на ухо, когда они шли бок о бок, а Реймонд и Дрю заржали. Джейс не произнес ни слова. Его правая икра была мокрой от крови, и красные капли успели запачкать ботинок.

«Сам виноват, – подумал он. – Даже собственное имя не можешь вспомнить».

Он шел, опустив голову, считал капли крови, падающие на ботинок, и с каждой новой каплей напоминал себе свое новое имя.

«Коннор. Коннор. Коннор. Я Коннор, и у меня идет кровь, и я совсем один, я Коннор, и два каких-то типа хотят меня убить, и Джейса теперь нет, Джейс ушел навсегда.

Я Коннор».

Некоторое время они молча наблюдали через некое подобие древнего орудийного прицела за группой бредущих по горам ребят, снимая пеленги и прикидывая их путь на карте.

– Это самые основы, – сказал бородатый малый двадцати с чем-то лет по имени Кайл. – Естественно, будь это дым, нужно еще много о чем доложить. Не только пеленг.

Ханна Фабер выпрямилась, отступила от визира Осборна¹¹ и кивнула, облизнув пересохшие губы. Поглядывая в сторону двери наблюдательной вышки, она страстно желала, чтобы Кайл наконец вышел и оставил ее в одиночестве – чтобы до него наконец дошло, что если и не надо в чем-то ее просвещать, так это в особенностях лесной противопожарной службы. Его болтовню она старалась пропускать мимо ушей: он проработал здесь всего два года и уже задолбался торчать на этой чертовой вышке; он-то думал, что это будет расслабуха, шанс чего-нибудь посочинять, в голове у него уже давно созрел роман или, может, сценарий, хотя по

¹¹ *Пожарный визир Осборна* – достаточно примитивный пеленгатор для определения направления на очаги возгорания, нечто вроде стационарно установленной алидады с топографической картой в основании. Изобретен еще в начале XIX в. и усовершенствован американским пожарным Уильямом Осборном в 1915 г., никакой усиливающей оптикой не оборудован. Кстати, разглядеть фигуру человека с расстояния в семь миль невооруженным глазом абсолютно нереально (угловой размер менее 0,5°), но у автора так.

сравнению с поэзией. . .

Подобные лирические отступления бурным потоком изливались из него, пока он знакомил ее с оборудованием вышки, которое явно не нуждалось в излишнем комментировании. Тут кровать, там стол, вон печка. В наличии, в наличии, в наличии. Чем ближе Кайл придвигался к ней и чем больше говорил, тем сильнее она чувствовала, как нервы чуть ли не в самом буквальном смысле поджариваются где-то внутри ее, расслаиваясь на обугленные прядки, и скоро их почти не останется. Сезон пожаров. Один прошел, другой совсем близко. Ей хотелось остаться одной.

«Сейчас он сам свалит, – думала она про себя. – Продержись еще несколько минут».

Кайл прекратил чесать языком и теперь прилип глазами к ее рюкзаку, и это ее раздражало. Естественно, это был всего лишь рюкзак, но в нем уместилась чуть ли не вся ее жизнь, а ко всему, что имело отношение к своей личной жизни, в последние десять месяцев Ханна относилась крайне трепетно.

– Черт, серьезную обувь вы с собой таскаете! – воскликнул Кайл.

Сзади к рюкзаку была привязана пара шнурованных сапог фирмы «Уайтс» – из их «пожарной» коллекции. Для тех, кто копает противопожарные траншеи и кому не надо объяснять, что такое «Пуласки»¹², это натуральный фетиш. В

¹² Топор-мотыга с длинной ручкой, применяемый при тушении лесных пожаров.

первый год Ханна попробовала сэкономить и купила дешевые сапоги, но буквально через пару месяцев от них осталось одно воспоминание, – и тогда, по примеру наиболее опытных членов команды, она приобрела «Уайтс». Пара, привязанная к ее рюкзаку, была совершенно новехонькой и ожидала действия, которое никогда не наступит. Ханна понимала, что глупо таскать их повсюду с собой, но расстаться с ними тоже не могла.

– Люблю хорошую обувь, – сказала она.

– Слышал такое от женщин. Правда, обычно речь идет о несколько иных вещичках.

Она выдавила слабую улыбку.

– А я и женщина несколько иная.

– Часто в этих краях бывали?

– Да было дело, – отозвалась Ханна. – Давайте ближе к делу, ладно? Вы собирались объяснить мне правила радиобмена.

Так что лекция переключилась на радио, и его глаза наконец оторвались от ее рюкзака и ее пожарных сапог, переместившись на топографическую карту в основании визира.

– Когда вы видите дым, то сразу объявляете тревогу. Так что ваша первая задача, понятное дело, его обнаружить, после чего вы должны указать точные координаты возгорания. Вот как раз для этого эта штукавина и предназначена. – Он опять ткнул пальцем в визир Осборна, который, в общем и целом, представлял собой круглый стеклянный стол с под-

ложенной под него топографической картой. Окаймляли его два кольца – одно неподвижное, другое поворотное. На подвижном кольце установлены планки с узкими вертикальными прорезями, похожие на орудийный прицел.

– Сложно показывать, когда нет настоящего пожара, – сказал Кайл, – так что воспользуемся для примера вон той группой бойскаутов, или кто они там такие. Сможете сами найти на карте гору, под которой они сейчас идут?

Естественно, она ее нашла. Мгновенно.

– Великолепно, – похвалил Кайл. – А теперь начинается самое трудное. Попробуйте угадать, без использования карты, на каком они сейчас от нас расстоянии.

Выглянув в окно, Ханна еще раз присмотрелась к горной вершине над группой, провела взглядом по ручейку, который струился под ней, прикинула рельеф на карте – на нее можно не смотреть, она давно уже в голове, – и уверенно объявила:

– Семь миль.

– Семь? – Кайл улыбнулся. – Любите точность, как я погляжу? Ну что ж, да вы тогда прямо как Оззи!

– Оззи?

Он пожал плечами.

– Тут такая скукота, что начинаешь придумывать прозвища всему на свете¹³. Но все-таки визир обеспечивает более

¹³ *Оззи Осборн*, однофамилец изобретателя визира – знаменитый британский рок-певец, музыкант, один из основателей и участник группы «Блэк саббат», ока-

высокую точность. Вот. – Он повернул внутреннее кольцо и опять нацелил прорези бронзовых планок на группу шагавших по горам ребятишек.

Присев, Ханна пригляделась сквозь прорези, воспринимая ребят как одно целое, не желая фокусироваться на ком-то отдельно – нельзя было позволить воспоминаниям вырваться на свободу, ни в коем случае нельзя, чтобы эти воспоминания вновь посетили ее здесь, у него на глазах!

– О'кей. Засекла их.

– Отлично. Быстро вы... А теперь представьте, что это не группа детишек, а пожар. Что-то там пылает на всю катушку. Вы взволнованы, вы испуганы, что-то там несет реальную *опасность*. Визир на отметке сто шестьдесят один градус, видите? Так что теперь вам известно, что это на ста шестидесяти одном градусе от вас. А теперь взгляните на карту и покажите, где, по-вашему мнению, горит.

Ханна изучила топографическую карту, градиентные линии горизонталей на которой показывали изменения высоты, нашла наиболее заметный пик неподалеку от «возгорания», после чего пробежала глазами вниз и ткнула пальцем в какую-то точку на карте.

– Примерно здесь?

– Довольно близко. Вообще-то... ого, действительно близко! Масштаб этой карты – две мили на дюйм. Возьмите вон

завшей значительное влияние на появление и развитие таких музыкальных стилей, как хард-рок и хэви-метал.

ту линейку и скажите мне, в скольких это дюймах от нас на карте.

Вышло чуть меньше трех с половиной дюймов. Семь миль.

– Ни фиги себе, – негромко проговорил Кайл. – Неплохо угадали.

Ханна позволила себе улыбнуться.

– Мне уже и раньше приходилось наблюдать за возгораниями.

– С вышки?

– Нет.

– Тогда откуда?

– Спецгруппа.

Он склонил голову набок.

– И теперь вы хотите на вышку?

Она и так слишком много сказала. Была задета ее гордость, но было ошибкой упоминать спецгруппу, потому что теперь Кайл все понял. Он прослушал достаточно радиопереговоров, чтобы уяснить, кто есть кто в здешней иерархии. Когда обычные топорники попадают в очаг возгорания, с которым они не могут справиться, на сцене появляется спецгруппа, горячие головы, и выше их в этой цепочке только парашютисты. Команда отчаянных ребят, которые прыгают с высоты в самое пламя. «Халявщики, – сказала Ханна Нику как-то раз, наблюдая за тем, как они опускаются. – А нам туда пешедралом топать!»

Ник тогда чуть живот не надорвал со смеху. У него был чудесный смех. Каждую ночь Ханна ложилась спать в надежде опять услышать этот смех хотя бы во сне – смех, а не истошные крики.

Но такого никогда не случилось.

Старательно отводя взгляд от Кайла, она произнесла:

– Угу, наблюдение – вот все, что мне под силу в эти дни. Ладно, давайте дальше: вот я увидела пожар, объявила тревогу, и что дальше?

– Погодите, – произнес он. – Погодите. Вы ведь Ханна Фабер, так? Это вы были на Пастушьей горе прошлым летом?

– Прошлым летом было много пожаров, – ответила она. – На некоторых я тоже работала.

Он, должно быть, уловил ее стремление поскорей свернуть разговор, поскольку втянул голову в плечи и заговорил быстрее:

– Сообщаете дистанцию и пеленг. Когда туда отправят самолет осмотреться, то легко выйдут в нужную точку. А потом вы используете вот этот шаблон, чтобы уточнить характеристики пожара.

Он показал ей планшет с зажимом, который содержал формы отчетов по каждому из наблюдений – расстояние, пеленг, близлежащие ориентиры, а также три категории сведений о дыме.

Интенсивность: малая, средняя, большая.

Тип или характер: прозрачный, густой, столбом, перемещающийся, ковровый.

Цвет: белый, серый, черный, синий, желтый, желто-коричневый.

– Все это заполняете, – сказал Кайл, – а потом сидите и слушаете, как они с ним разбираются.

– Серьезных пока не было?

– Ни разу. Этот запоздалый снегопад помог. Но снег быстро растаял, и с тех пор сухо. Температура стала расти, появился ветер. Ни одного дождя. Если такое продержится, есть мнение, что в этом сезоне придется жарко. Недавно ветер еще больше усилился. Поверьте мне, вы сами это почувствуете. Все кажется незыблемым, пока не поднимается ветер. Тогда мало не покажется. Если такая погода подержится, будет хлопотно. Вроде бы в начале следующей недели даже грозы обещают. Если не соврали, придет беда.

Он был прав. Казалось бы, ливневый дождь только к лучшему, но главная беда – именно гроза. Они сейчас сидят чуть ли не на самой вершине мира. Молниям не надо слишком далеко тянуться, чтобы достать до земли. А когда они достигнут до сухой древесины...

– Да, похоже, что летом без дела сидеть не придется, – кивнула Ханна. Ее сердце стало тяжело колотиться в груди. Он стоял слишком близко к ней, отчего маленькое помещение казалось еще меньше. Облизнув пересохшие губы, она отступила на шаг. – Послушайте, я не хочу быть грубой, но

я так долго сюда добиралась, и...

– Вы хотите, чтобы я ушел?

– Нет, я просто хочу сказать... У меня есть кое-какой опыт. Я разбираюсь в этом, понимаете? И я жутко устала.

– Хорошо, – сказал Кайл. – Тогда я, пожалуй, двину до дому. Вы уверены, что я не слишком быстро все изложил? От меня требовалось показать вам все...

– Сама разберусь, всё путем. И мне тут уже очень нравится.

Он кисло улыбнулся ей.

– Вот посидите тут ночку, тогда и говорите, что нравится, хорошо?

Не обратив внимания на эти слова, Ханна опять повернулась к визиру, заглянула в прицел и, поскольку над вершинами не было никакого дыма, опять сосредоточилась на группе туристов. Стала смотреть, как они плетутся по горам, представляя себе, что это не туристы, а пожар.

Коннор Рейнольдс был совершенно другим мальчиком, нежели Джейс Уилсон, и с каждым днем эта разница проявлялась все заметней.

Парень, которого он из себя изображал, был пацаном того типа, каким ему всегда хотелось быть. Во-первых, жестким. Во-вторых, бесстрашным. Джейс провел всю свою жизнь, пытаясь вести себя хорошо и опасаясь неприятностей, которые могли последовать, если он сделает шаг в сторону. Его родители разошлись, когда он был еще слишком мал, и он мало что из этого помнил. А два года спустя произошел несчастный случай – соскочила цепь на автопогрузчике, тяжеленная палета грохнулась вниз, и его отец за доли секунды пожизненно стал инвалидом – из-за ошибки какого-то совершенно постороннего человека. Он все еще работал на том же складе, теперь уже бригадиром, но боль постоянно преследовала его, равно как и та ошибка. Его фанатичная заикленность на правилах техники безопасности и вообще предписанных процедурах полностью передалась Джейсу, который знал, что предстает перед людьми в образе нервного перестраховщика – всегда дважды проверял, заперт ли замок, пристегивался ремнем безопасности даже на третьем ряду сидений внедорожника, принадлежащего родителям одноклассника, пять раз перечитывал инструкцию к

набору для сборки модели самолета, прежде чем открыть коробку с деталями. Он знал, какими словами характеризуют его окружающие. Самым мягким определением было «осторожный». Самым обидным – а может, наиболее соответствующим действительности? – «трусоватый».

Но Коннор Рейнольдс не был трусом. Коннор по определению должен быть хулиганом. А это дарило определенное чувство свободы. Можно говорить что хочется, делать что хочется. Джейс пытался вести себя соответственно, особо на это не налегая. Ему не хотелось привлекать внимание, а если честно, то не хотелось и получить по физиономии. После той первой стычки с Марко Джейс держался от него подальше и выказывал ему достаточно уважения, чтобы тот заметно притих. Впрочем, делал это так, чтобы не показывать никакого страха. Все так же угрюмо на всех посматривал, молчал. Чем дольше он сохранял такой вид, тем лучше себя чувствовал.

Джейс был рад, что они оставили лагерь, рад тому, что они в пути. В пути он всегда чувствовал себя лучше, а теперь ему казалось, будто сам он понемногу испаряется, – все, что делало его Джейсом Уилсоном, бесследно исчезает, оставляя взамен одного только Коннора Рейнольдса. Сегодня Итан завел разговор про медведей, и все внимательно слушали, даже крикуны вроде Марко, поскольку все здорово боялись медведей. Джейс чуть было не расхохотался вслух. Если б остальные ребята хотя бы на секунду представили, кто на самом деле может их сейчас преследовать, то на медведей им

было бы совершенно начхать.

– Когда мы заходим за слепой поворот или попадаем на какой-то плохо освещенный участок местности – например, в густые заросли, или когда выходим из них и оказываемся на лугу, нам нужно объявить о своем появлении, – говорил Итан. – Переговариваться чуть громче, хлопнуть в ладоши – выдавать свое присутствие звуками. Медведям гораздо сильнее хочется избежать встречи с нами, чем нам самим – хотите верьте, хотите нет. Даже на их собственной территории у них не будет с нами проблем, коль скоро мы их понимаем. Без этого никак. И ключевое слово к этому пониманию – «неожиданность». Нам ни в коем случае нельзя застать медведя врасплох, поскольку тогда у него не останется иного выбора, кроме как отреагировать свойственным ему образом. Он проявит агрессию, даже если предпочел бы отступить, поскольку решит, что мы вынуждаем его действовать. Так что не забываем шуметь, обозначая свое присутствие в определенных местах, и уделяем внимание окружающей обстановке, чтобы не оказаться на тех участках, которых следует избегать.

– По мне, так все вокруг одинаковое, – заметил Ти.

– Со временем так не будет. Для этого потребуются все ваши органы чувств. Все до единого. Во-первых, зрение. Не просто глазейте по сторонам, а наблюдайте, изучайте окружающую обстановку. Кстати, у Дрю, вон там сзади, задача посложнее, поскольку он прикрывает нам тыл. Ему надо по-

стоянно оглядываться и проверять, не угрожает ли нам что-нибудь.

Дрю при этих словах словно надулся, и Джейс подумал: интересно, сознает ли он, что быть замыкающим одновременно означает быть тем парнем, который первым попадет медведю в зубы?

– Во-вторых, нужно постоянно вслушиваться, – продолжал Итан, – потому что меньше всего мы хотим нарваться на стычку между медведями, и чтобы такого не произошло, нам нужно ее заранее услышать. В-третьих, надо использовать обоняние, чтобы...

– Вы что, можете унюхать медведя за две мили? Или за три? – Это подал голос Ти, еще один шутничок, соперничающий с Марко, и он произнес это с совершенно серьезным видом, хотя и подмигнув Коннору, который в ответ лишь уставился на него безжизненным взглядом. Джейс Уилсон в этом случае рассмеялся бы, но Коннор Рейнольдс был далеко не весельчак.

– Я не могу унюхать медведей, – терпеливо объяснил Итан, – но я могу унюхать их дерьмо. Это помогает. Понимаешь, иногда медведь срёт в лесу. Я дам тебе в этом убедиться, Ти, если мы наткнемся на неопровержимые свидетельства моего заявления. Обещаю не торопить тебя, чтобы ты как следует все проинспектировал.

На сей раз Джейсу действительно захотелось рассмеяться – остальные и в самом деле покатались со смеху, но он со-

хранил молчание. Ведь Коннор Рейнольдс – сильный и молчаливый. И бесстрашный.

– Запах тухлятины меня тоже сразу насторожит, – продолжал Итан. – Какой-нибудь полуразложившейся туши. Если уж я ее учуял, то и медведь тоже может – вы уж поверьте, вот они-то в самом деле могут чують запахи за милю, – так что нам нужно держаться оттуда подальше, поскольку запах, от которого мы воротим носы, для них означает: тут есть чем поживиться. И охотиться не надо. Медведи – лентяи. Они предпочитают даровую еду. Мы еще поговорим на эту тему, когда встанем лагерем и возникнет вопрос хранения провизии.

– Вы сказали всего про три чувства, – встрял Джефф, который до сих пор был чуть ли не единственным, кто выказывал хоть какой-то настоящий интерес к словам Итана; на лицах остальных большей частью было написано: «Все-эти-лагеря-в-лесу-полная-фигня». – Хотя, если я попробую на вкус или потрогаю то, что окажется медведем, то буду полным мудаком.

Остальные покатались со смеху, и даже Итан Сербин улыбнулся вместе со всеми.

– Не буду с этим спорить, не считая твоего лексикона, – сказал он. – Но ты можешь попробовать на вкус несколько ягод по пути. Приметишь ягодный кустик, попробуешь ягодку и подумаешь: «Опа, вкусненькая!» Так вот, имей в виду: если она тебе понравилась, то и медведям придется по вкусу.

Еще один повод быть настороже, поскольку ты на их пастбище.

– А как тогда насчет осязания? – не отставал Джефф.

– Осязай ветер. Чувствуй его кожей. Всегда, всегда, всегда создавай, откуда дует ветер. Потому что медведи в основном полагаются на свое обоняние, и если ты с подветренной стороны от них, то рискуешь подобраться слишком близко, прежде чем они тебя унюхают. И что еще ветер от них в этом случае относит?

– Производимые нами звуки, – сказал Джейс и тут же об этом пожалел. Он хотел избежать любого внимания, но иногда срывался просто помимо воли. Это было то, что он очень любил, то, до чего был падок. Перечитал чуть ли не все справочники по выживанию, захлеб глотал книжки о всяких приключениях, самостоятельно научился завязывать больше тридцати узлов с закрытыми глазами – его родители думали, что если спрячут его здесь, то он будет жутко этому рад. И он не мог не признать, что временами это было действительно так.

А потом возвращались голоса тех людей из карьера...

– Вот именно, – кивнул Итан. – Нам всегда надо быть в курсе, откуда дует ветер. Это поможет избежать встречи с медведями, но вообще-то это крайне важно абсолютно для всего, что мы делаем. Мы разбиваем лагерь с учетом того, откуда дует ветер, мы предсказываем погоду на основе поведения ветра, мы разводим костер с большим уважением к

ветру. Если на природе вы не уделите ветру должного уважения, то долго не протянете.

Это было крайне интересно – слушать про все те вещи, которые Итан держал в голове. Джейс старался ничего не пропустить – если убийцы придут за ним, ему хотелось быть к этому готовым. Они придут, ожидая увидеть Джейса Уилсона, робкого трусливого мальчишку, а наткнутся на кое-кого другого – на Коннора Рейнольдса, который в лесу и горах как дома, Коннора Рейнольдса, которого голыми руками не возьмешь. На того, кем он был теперь.

Монтана гораздо лучше городских домов-убежищ, идти по горам спокойней, чем оставаться среди людей, которые *знают*, что ты в опасности. Это только подкармливает страх. Джейс перепробовал уже все, чем люди обычно пытаются отвлечься от темных мыслей, – фильмы, музыку, компьютерные игры, – но ничто не смогло затмить постоянно стоящие перед мысленным вздором жуткие образы: сумрачные воды карьера, нож, вспарывающий мускулы горла, и, над всем этим два странно мелодичных голоса, обсуждающих, где Джейс сейчас может быть и есть ли у них время найти и убить его.

Да, здесь было лучше. Он не верил, что так будет, тем более что никого из своих спутников раньше не знал, – но он ошибался. Монтана оказалась лучше, поскольку здесь хочешь не хочешь, а все равно отвлечешься. Компьютерным играм и фильмам не удалось заявить права на его разум.

Здесь же сам этот край *требовал* от разума оставить воспоминания. Здесь нужно полностью сосредоточиться на задачах текущего момента. Здесь слишком много своих трудностей, чтобы думать о каких-то других.

Коннор Рейнольдс размеренно шагал по тропе, а Джейс Уилсон тайком ехал внутри его, и оба были в полной безопасности.

* * *

В течение первой недели бывали моменты, когда Итан чувствовал себя, как любимым другим летом. Или даже лучше. Неплохие мальчишки, в общем и целом. Чем больше он наблюдал за ними, тем больше они ему нравились. Он старался особо не гадать, кого же здесь все-таки спрятали. Джейми Беннетт не выходила на связь, и это было только к лучшему. Дела с ее стороны, судя по всему, шли гладко, и он ожидал, что и у него все будет оставаться гладко.

Первые пять ночей они провели, становясь лагерем на пяти разных низменных участках не далее мили от базы. Вообще-то в предыдущие годы все происходило не так. Обычно первую неделю мальчишки всегда ночевали в бараке, а не на маршруте, что давало им время привыкнуть к новой обстановке и, при удаче, завязать какие-то связи между собой – иногда это удавалось, иногда нет. Каждый день они уходили в горы, однако всякий раз к вечеру возвращались.

Но только не этим летом. Этим летом они на короткое время возвращались на базу днем, а к вечеру опять уходили в горы, поскольку Итан не поддавался убаюкивающим заверениям в безопасности, полученным от Джейми Беннетт. Он верил ей и верил, что лето пройдет без происшествий. Но, учитывая специфику нынешней ситуации, расслабляться не стоило, так что Итан, который и без того привык находиться в состоянии постоянной готовности, предпочел удвоить бдительность.

В обычное лето у него было бы больше мальчишек и второй воспитатель, а маршрут и места полевого ночлега были бы известны шерифу округа и Эллисон благодаря GPS-трекеру. Нынешним же летом он известил шерифа, чтобы при необходимости тот связывался с ним исключительно через Эллисон, и отключил функцию отслеживания маршрута на своем навигаторе. У аппарата еще имелась функция, позволяющая принимать и отправлять короткие текстовые сообщения, но даже жене Итана не было известно его точное местонахождение.

В эти первые дни они обсудили приемы оказания неотложной помощи, научились читать топографическую карту и обращаться с компасом – в общем, прошли те азы науки выживания в дикой природе, которые, как Итан прекрасно знал, моментально вылетят у них из головы, стоит им попасть в какую-нибудь настоящую передрыгу на маршруте. Смоделировать подобную ситуацию практически нереально,

но Итан все же пытался. Его излюбленным упражнением была игра, которую он называл «Плут».

Тут Итан обычно не мог удержаться и напоминал ребятам, что слово «плут», которым обычно принято называть обманщика, мошенника или карточного шулера, на самом деле происходит от глагола «заплутать», означающего «сбиться с пути», «заблудиться». И, в свою очередь, известное всем слово «заблуждаться» – в значении «неправильно понимать, ошибаться» – происходит от того же корня, что и слово «заблудиться». В старину, при тогдашнем обилии не тронутых цивилизацией уголков, отсутствии карт и уж тем более спутниковых навигаторов, заблудиться можно было на раз, причем с очень печальными последствиями. Позже, в несколько измененном виде, эти очень важные тогда понятия распространились и на сферу человеческого общения – сейчас вы можете написать в эсэмэске, что ваш собеседник «заблуждается» или «плутует», хотя он спокойно сидит у себя дома, но корень у этих слов все тот же, из тех времен, когда люди, рискуя жизнью, отчаянно пытались выбраться обратно из дикого леса или пустыни.

Начиная эту игру, Итан показывал на одного из ребят и говорил:

– Итак, ты сегодня «плут». Посмотрим, куда тебя занесет.

Задача парня была проста: увести группу с маршрута в любом приглянувшемся направлении – как говорится, куда глаза глядят, да поглубже в чашу. И вести ее, пока Итан не

скомандует: «Стоп!» Потом Итан поворачивался к другим, которые уже были злы и раздражены изменением изначального маршрута, – *гораздо* веселей быть «плутом», чем за ним следовать, – и просил их найти дорогу назад.

Все начиналось с неумелой возни с картами и компасом. Это редко приводило к чему-то хорошему. Но день ото дня намечался определенный прогресс – ребята понемногу учились читать местность на ходу, создавали мысленный архив ключевых ориентиров и связующих точек. Узнавали небольшие хитрости – например, оказавшись перед выбором, лезть вверх или спускаться вниз, почти все, как правило, предпочитают идти под горку. А это неразумно, поскольку пешее продвижение по дну ущелья или распадка чертовски труднее, чем по гребню, но большинство неопытных туристов обычно поступает именно так.

Эта игра была полезной подготовкой и для самого Итана, полезной для настоящих спасательных вызовов, потому что она давала ему возможность проследить за реакцией ребят на незнакомое, вживую понаблюдать за их ошибками и понять причины, которые ими движут. В ходе игры он демонстрировал им все критические ошибки, которые видел на протяжении многих лет, показывал им, как простейшие промахи могут оказаться смертельными, и учил, как исправлять последствия сделанных ошибок. Предвидь и исправляй, предвидь и исправляй. Если у тебя хорошо получается первое, то ты уже на голову впереди остальных. А если хорошо

умеешь и то, и другое? Тогда с тобой точно ничего не случится, за тебя можно не волноваться.

Некоторым ребятам это нравилось. Другие закатывали глаза. Третьи ругались и стонали всю дорогу. Это нормально. Уроки все равно усваивались, медленно, но верно. Сегодня они шли так уже ровно четыре часа, с трудом пробираясь сквозь заросли и быстро понимая, насколько труднопреодолима эта местность, как только ты сходишь с тропы, а когда наконец добрались до места, выбранного Итаном для бивака, все были измотаны до предела.

– День на исходе, – объявил он. – Надо приготовить укрытия.

Только стоны в ответ – парни уже растянулись на земле, жадно хватая воздух.

– Я понимаю, что все устали, – сказал Итан. – Но прямо сейчас мы не отдыхаем. Поскольку среди приоритетов выживания наличие укрытия от непогоды – третье по значению. На первом месте, как все мы знаем, позитивный настрой. Но без укрытия, джентльмены... Без него мы скоро станем трупами. Должным образом устроенное укрытие сохранит нам жизнь. Кто-нибудь помнит последовательность? Порядок наших приоритетов?

Когда солнце склонилось к горизонту, ветер немного усилился, неся долгожданную прохладу, и Итан прекрасно видел, что меньше всего в этот момент им хотелось прослушать еще одну лекцию. Впрочем, это тоже нормально. Зато все

запомнят как следует.

– Джефф? – произнес Итан, подходя вплотную к одному из притихших парней и вынуждая его проявить интерес.

– Еда, – ответил Джефф.

– Нет, – Итан покачал головой. – Еда последняя в списке на самом-то деле. Спросите большинство людей, что нужно в сложной ситуации для выживания, и они назовут сначала воду, а потом еду. Но в действительности ваше тело способно продержаться без еды чертовски продолжительное время, да и без воды тоже порядком. В общем, достаточно долго, чтобы вы успели погибнуть по каким-то другим причинам.

Он развернул один из небольших листов тонкого полиэтилена, которые им всем выдали. Одноразовую защитную пленку для малярных работ, по существу. Для устройства импровизированного укрытия – лучше не придумаешь, тем более что в сложенном виде места занимает всего ничего.

– Позитивный образ мыслей, аптечка первой помощи, укрытие, огонь, сигнальные средства, вода, пища, – перечислил Итан. – Естественно, в случае чего вам нужно как можно скорее разобраться с медицинскими проблемами. Но сразу после этого нам понадобится укрытие. С ним мы можем оставаться в тепле и сухости – или в прохладе и сухости, пока готовимся разобраться с прочими своими нуждами. С укрытием окружающая среда над нами более не властна.

Урок по устройству укрытий начался. Итан заметил, что сначала парни посматривали на тонкие листы полиэтиле-

новой пленки довольно скептически. Но когда при помощи парашютного шнура он задал линию «конька» будущей крыши и растянул поверх нее пластик, то все увидели классические очертания палатки и начали понемногу понимать, в чем тут соль. Чтобы заякорить навес по углам, Итан поместил в них небольшие камни – объяснив, что в случае чего вместо камня можно использовать просто горсть земли. Обернул камни по углам пленкой, затянул скользящим узлом и привязал к кольшкам, чтобы полиэтилен не унесло ветром.

– Кто-нибудь может объяснить, почему мы просто не проделали дыру в пластике, чтобы привязать его таким же способом? – спросил он.

Коннор сразу понял. Он был одним из немногих в группе, кто проявлял искренний интерес к урокам Итана. Да и вообще парень был рукастый. Его укрытие демонстрировало безупречные углы, в то время как у остальных они больше напоминали парашюты, застрявшие на деревьях.

– Если б у нас больше не было пленки, – ответил Коннор, – то мы не пошли бы на риск резать или прокалывать ее. Разрежешь – обратно уже не сложишь. А такой способ позволяет обойтись без этого.

– Совершенно верно¹⁴. Я узнал это от инструктора ВВС по имени Реджи. Украл идею и теперь выдаю за свою собствен-

¹⁴ Вообще-то веревка, просто продетая в отверстие в тонком полиэтилене, – это практически полная гарантия того, что пленка порвется при малейшей нагрузке. «Кисеты» с камнями или землей внутри обладают куда более высокой прочностью – независимо от того, есть у вас запасной полиэтилен или нет.

ную. Все свои хорошие знания я украл у кого-нибудь еще.

Некоторые улыбнулись. К ребятам понемногу опять возвращалась энергия. Было трудно даже просто дойти сюда, намного труднее, чем они ожидали. Ходить с рюкзаком за плечами тяжело, и вдобавок они встали лагерем на девяти тысячах футов – для многих это был первый опыт с разреженным воздухом. Ты делаешь глубокий вдох, намереваясь наполнить легкие, и в полном замешательстве понимаешь, что наполнил их от силы на четверть.

Итан смотрел, как парни строят свои укрытия, давая советы, когда это было нужно, а пока его вмешательство не требовалось, всякий раз поднимал голову и внимательно осматривал заросшие лесом склоны. Они собрали еще дров, а потом Итан повел их вниз набрать воды в одном из притоков небольшой речки, протекающей в ложбине. Как только они заполнили водой все имеющиеся емкости, он передал по кругу таблетки диоксида хлора и достал одноступенчатый водяной фильтр. Отмерив положенное количество воды, они добавили в нее нужное число таблеток и засекали время.

– Будет безопасна для питья через четыре часа, – объяснил Итан.

Реймонд, критически изучив растворяющуюся таблетку в емкости, открутил крышку своей собственной фляги и пригнулся.

– Воняет хлоркой, чувак.

– А это и есть один из видов хлорки, чувак.

– Вы предлагаете мне пить воду из бассейна? Нет уж, спасибо!

– Ты предпочитаешь пить воду прямо из ручья?

Реймонд скептически поглядел на ручей, вода в котором бежала над зелеными водорослями и несла в речку мусть и ил.

– Ваще-то мне оба варианта не нравятся. Но пить хлорку точно не хочу.

– Как знаешь. Правда, всегда есть шанс, что вместе с такой водой ты заглотишь и криптоспоридий. Хотя вряд ли, здесь слишком высоко, но никогда ведь не знаешь...

– Крипто... чего?

– Они подарят тебе жуткий дрищ, – любезно объяснил Итан. – Может, сам ты и не против, но я уверен, что остальная группа будет сильно против этого возражать.

– Дрищ?

– Ты навалишь в штаны, – сказал Итан. – Жиденько. Но, опять-таки, дело твое.

– Не, лучше уж хлорка, – буркнул Реймонд.

Итан улыбнулся.

– Неплохой выбор.

Поужинали они готовыми армейскими сухими пайками – съел, а упаковку выбросил. По крайней мере, сам факт, что такие пайки употребляются во время боевых действий, некоторых немало заинтриговал, но больше всего впечатлил сам процесс: просто наливаешь несколько унций воды в пластиковый пакетик, складываешь его, а затем, когда химическая

реакция делает свое волшебное дело, получаешь горячую еду. Насчет вкусовых качеств подобной кухни многие поворчали, но съели всё до крошки. Идти было тяжело, и все проголодались.

– Хороший был день? – спросил Итан.

– Длинный, – отозвался Дрю. Он уже плюхнулся на землю и лежал там, полностью вымотанный; большинство из них лежали в той же позе, усталыми глазами уставившись в огонь. Они прошли пешком больше десяти миль, чтобы добраться сюда, пересекли границу Монтаны и оказались в Вайоминге. Вроде бы немного – десять миль за день, пока вы не добавите высоту над уровнем моря, складки местности и рюкзак.

– Завтра опять в гору? – спросил Марко.

– Немного. А потом будем спускаться вниз. Но прямо с утра придется одолеть еще один подъем.

Все застонали в унисон. Стоны стихли и перешли в разговоры о гудящих ногах и натертых мозолях, а Итан под болтовню мальчишек и потрескивание костра откинулся спиной на камень и уставился в ночное небо. Почти полная луна четко прорисовала силуэты заросших соснами горных вершин, подножия которых терялись в тени ущелья с речкой внизу, а у него за спиной выхватила из темноты весь склон целиком, так что подъем с того места, где они сейчас находились, и места, где они уже побывали, выглядели менее зловещими, поскольку были освещены. Но это был всего лишь обман

лунного света, поскольку они по-прежнему не знали, что их ждет впереди.

Хотя на миг, когда мальчишки уже начали засыпать, у Итана возникло чувство, будто каким-то непонятным образом он способен увидеть и это.

Классная вещь – бензопила.

Когда она работает. А опыт Клода Китны говорил, что эти проклятые штуковины могут забастовать абсолютно в любой момент.

Считая себя человеком, неплохо понимающим во всякого рода технике, он воспринимал поломки своей бензопилы как личное оскорбление. Наверное, из-за того, что отлично знал причину и просто не хотел ее признавать. Он никогда не приобретал новую модель – всегда покупал подержанные, чтобы сэкономить несколько долларов, и вроде давно должен был уяснить, что люди редко продают то, что работает без проблем, а если и продают, то не предлагают хорошую скидку.

Теперь Клод возился с выдавшей виды пятилетней «Хускварной», которую ухватил зимой всего за сотню баксов – это показалось настолько удачной сделкой, что он просто не смог удержаться и уговорить себя купить новую. И вот первое использование за лето, а он уже осыпает эту штуковину проклятиями...

На гребне горы над его домиком прошлым летом погибли несколько больших деревьев от какой-то растительной болезни – природа подогнала дармовые дрова. Он выждал неделю, пока они хорошенько подсохнут, взял день отгула, а

потом погрузил бензопилу на задний багажник своего квадроцикла и покатил вверх, решив, что напилит как минимум четыре корда¹⁵ и будет полностью готов к зиме, пока и лето-то еще толком не началось.

Но буквально на третьем распиле пилу заклинило, полотно едва не застряло. Клод проверил, подается ли смазка на цепь; все вроде выглядело нормально, так что он опять вернулся к своему занятию. Лишь хриплый вой бензопилы нарушал тишину в горах, в которых все замерло и лениво пеклось на солнце – отличный денек для работы на свежем воздухе.

Когда цепь заклинило опять, Клод поспешно вырубил мотор, но недостаточно быстро – цепь слетела с шины. Он опять разразился ругательствами, и к тому времени, как снял крышку защитного кожуха и понял, что винт натяжения цепи полностью выпал, находился в действительно скверном расположении духа. Клод склонился над бензопилой, не снимая защитных наушников, и не имел ни малейшего представления, что он не один, пока не увидел тени.

Их было две – человеческих очертаний, но нечеловеческих размеров, потому что склон выходил на запад, и в это время дня солнце полого раскинуло свои лучи, придав теням великанские пропорции. Когда Клод повернулся, чтобы най-

¹⁵ *Корд* – неметрическая единица измерения объема дров. В США равен объему поленицы шириной 4 фута, длиной 8 футов и высотой 4 фута (приблизительно 3,62 м³).

ти их источник, то увидел двух незнакомцев примерно одного и того же роста, стоящих футах в десяти друг от друга. Они и на вид были похожи – оба блондины, голубоглазые, с квадратными подбородками. Они находились на его земле, и он не делал ничего незаконного, но в том, как они стояли и изучали его, почему-то проглядывало нечто властное, и когда Клод снял наушники, то услышал, как спрашивает: «Всё в порядке, ребята?» вместо: «Какого хрена вы тут забыли?»

– Похоже, борется с бензопилой, – произнес тот, что с длинными волосами, и Клод был уже готов подтвердить очевидный факт, когда заговорил другой:

– Да, похоже на то. И не сильно в этом продвинулся.

Клод прищурился. Что, блин, за странный способ разговаривать?

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросил он.

– А вы, часом, – произнес длинноволосый, – не Клод ли Китна?

– Да, так меня зовут, и это мой участок. А вы-то кто такие?

Человек поглядел куда-то на склон, словно ответ скрывался между скал.

– Лично я не вижу нужды скрывать свое имя, – сказал он. – А ты?

И опять Клод собрался было ответить, когда заговорил второй:

– Думаю, хуже не будет.

Оба явно со странностями, никаких сомнений. Клод на-

сухо вытер перепачканную смазкой ладонь о джинсы, жалея, что не взял с собой оружие и значок, хотя и не совсем понимал почему.

– Я Джек, – объявил первый. – А это мой брат Патрик. Ну вот, теперь мы официально представлены.

– Замечательно, – сказал Клод. – А я – здешний шериф. Наверное, вы не в курсе.

– Определенно в курсе.

– Ладно. Что вы делаете на моей земле?

С этой точки гребня ему не был виден его дом. Наверняка они подъехали туда, но Клод не мог припомнить, чтобы слышал звук мотора. Хотя в наушниках, да под вой бензопилы он наверняка его просто пропустил. Это была единственная причина, по которой они могли так вот попросту появиться из леса, две длиннющие молчаливые тени.

– Вы из полиции, как уже упомянули, – сказал тот, которого звали Патрик. – Много было вызовов на аварии на этом шоссе, двести двенадцатом? Просто жуть, а не дорога.

– Кошмар, – согласно кивнул его брат.

Клоду оба сильно не нравились, но он почувствовал необходимость сосредоточиться на ком-то одном из них, поскольку они стояли на странном отдалении друг от друга и постоянно перемещались кругами, пока разговаривали. Клод выбрал того, что помоложе, похожего на военного.

– Ваша машина слетела с дороги?

– Нет, сэр. Наша твердо стоит на асфальте, спасибо.

– А у вас забавная манера изъясняться, – заметил Клод.

– Приношу свои извинения.

– Нет нужды в извинениях. И нет нужды зря тратить мое время. А теперь выкладывайте, какого черта вы тут забыли.

Клод выпрямился, сжимая в руках полотно бензопилы. Довольно жалкое оружие – всего-навсего длинная, покрытая маслом вереница зубьев, даже не особо острых и не способных нанести значительные повреждения, пока пила не на ходу. Как и от любой цепи для бензопилы, от этой тоже не слишком-то много толку, когда отсоединяешь ее от мотора. Ни пырнуть, ни рубануть. И все равно ему хотелось что-то держать в руках.

– У нас есть интерес к одному автомобилю, с которым произошла подобная неприятность на двести двенадцатом шоссе во время последнего снегопада, – произнес длинно-волосый, Джек. – Прокатному. Из «Херца», насколько я понимаю.

Клод как наяву увидел ее перед собой – ту женщину-лихачку, и мгновенно испытал мрачное отчетливое чувство, что тихий жаркий денек на глазах превращается в опасный.

– На двести двенадцатом в снегопад всегда аварии, – сказал он. – И я не обсуждаю их подробности с теми, у кого нет значка.

– Может, показать ему значок? – молвил Патрик.

– Наверняка можно. Вот только не знаю, какой именно сильней его впечатлит.

– Это главная проблема с нашей коллекцией. Я тебе уже говорил.

– Я уже слышал этот аргумент. Но расставаться с ней все равно не склонен.

Оба теперь оказались довольно далеко друг от друга, так что Клоду приходилось постоянно вертеть головой, чтобы видеть одного или другого – держать в поле зрения сразу обоих никак не удавалось. Ладони у него вспотели, пот смешался с машинным маслом на полотне пилы и сделал его скользким. Он вытер одну руку о джинсы и ухватил цепь крепче.

– Джентльмены, я хочу попросить вас немедленно покинуть мои владения. Если у вас есть какие вопросы насчет ДТП, я ни хера вам не отвечу, даже если вы оценщики из «Херца» или агенты ФБР. Обратитесь напрямую в управление. Я понятно излагаю?

– Ее автомобиль всю ночь простоял на дороге, – сказал длинноволосый. – И она не провела все эти часы среди сугробов. Вы в курсе, куда она направилась, Клод?

Почему-то тот сразу понял, что повторять свое требование будет абсолютно без толку. Так что все-таки ответил на вопрос.

– Понятия не имею. Может, устроилась в какой-нибудь отель...

– По-моему, вы все-таки имеете понятие. Водитель эвакуатора припомнил, что вы кому-то звонили, чтобы ее забра-

ли. Человеку на снегоходе? Водитель эвакуатора практически уверен, что вы в курсе, кто это был. – Длинноволосый сделал короткий вдох, поднял правый указательный палец и склонил голову набок, словно припоминая какую-то забытую деталь. – Кстати, он мертв.

– Ах да, – подхватил второй. – И вправду. Превосходная мысль, Джек! Это наша священная обязанность – поставить власти в известность, что он скончался.

– Считай, что сделано, Патрик.

Тут Клод почувствовал, как его мелко затрясло. Словно какую-то чертову собаку. Что-то настолько пошло не так в этом мире, что его в самом буквальном смысле трясет? Что за хрень такая с ним творится? Клод сделал небольшой шаг вбок, чтобы унять дрожь. Он видел множество опасных людей, и никогда в их присутствии ему не приходилось бороться с дрожью, даже когда он был юн и зелен. Хотя эти двое...

«Они не шутят, – подумал Клод. – Роджер мертв, и это они его убили, и рассказывают об этом без всяких опасений. И последствия их нисколько не заботят».

Когда тот, кого звали Джек, вытащил из кобуры за спиной полуавтоматический пистолет, Клод выронил цепь и поднял руки. А что еще оставалось делать?

– А ну-ка, спокойней, – произнес он. – Спокойней.

– Поднимите опять эту цепь и передайте моему брату.

Клод бросил взгляд в сторону дома, который был совсем рядом, но прикрыт деревьями. И абсолютно пуст. Помощи

ждать неоткуда, но все же быть так близко от дома и чувствовать такую беспомощность – это неправильно.

– Сегодня никто не примчится к вам на помощь, – сказал тот, что с пистолетом, словно прочитав его мысли. – А теперь подберите цепь и передайте моему брату.

Наклоняясь, чтобы подобрать полотно, Клод уже знал, что придется сделать. Ну уж нет, ребятки, так просто вы меня не возьмете! Будь он проклят, если будет просто стоять здесь с поднятыми руками и позволит этой гнилой парочке делать с ним все, что хочется! Клод Китна прожил слишком много достойных лет, чтобы заканчивать жизнь подобным образом. Полотно бензопилы – оружие не ахти, но это все, что у него есть, и если он будет двигаться достаточно быстро...

У него в голове это вышло получше. Он собирался как следует размахнуться и вмазать полотном этому сукиному сыну по физиономии, и как раз в этот момент, скорее всего, будет спущен курок, но, по крайней мере, он выбьет его из равновесия. Если этот хрен промажет и Клод захватит ствол, ситуация очень быстро переменится. Вопрос был только в скорости, и хотя он уже далеко не молод, но все же не так уж и стар – есть еще порох в пороховницах. Клод медленно наклонился, взял полотно за конец, а потом стремительно, как пантера, занес его за спину и сразу же пружиной метнулся вперед.

Только вот полотно не метнулось с ним. Оно осталось позади – свободный конец перехватил тот, второй. Клод не хо-

тел отпустить, это было единственное оружие, которое у него было, так что он продолжал держаться за него и машинально попятился за ним, наступив прямо на ногу этому самому второму, споткнулся, упал на задницу и на сей раз выпустил цепь из руки. Теперь Клод сидел на земле, безоружный, пляясь на них – на две гигантские тени, превратившиеся в двух людей обычного размера, но от того не менее угрожающих.

– Человек на снегоходе. Как его зовут? – говорил длинноволосый с пистолетом, а его брат стоял сбоку с совершенно незаинтересованным видом, изучая полотно и сдувая с него прилипшие опилки. Ладонь его на глазах наполнялась кровью, на что ему, похоже, было совершенно плевать.

– Не скажу, – сказал ему Клод. Он старательно смотрел прямо в физиономию этого сукина сына, прямо в его наглые голубые глаза. – Никогда. Только не таким, как вы.

– Только не таким, как вы... Очень хорошо, Клод. Очень круто. Или вы предпочитаете, чтобы я обращался к вам «шериф»? Могу уважать ваши полномочия, если желаете. Как раз по этой причине у нас все не заладилось? Из-за недостатка уважения?

– Немедленно убирайтесь, – сказал Клод. – Просто спускайтесь на дороге и что бы у вас ни было, забирайте с собой. Иначе будут проблемы.

– Проблемы уже возникли, вы совершенно правы. И проблемы уйдут вместе с нами, тут вы тоже правы. Но, шериф... Клод... мы никуда не уйдем, пока не получим то, зачем при-

шли. Так что выбросьте любые мысли о нашем уходе подальше из своей головы. Сосредоточьтесь на реальности. Реальность стоит перед вами, и у этой реальности ствол. Так что сфокусируйтесь на этом, и тогда мы попробуем еще раз. Скажите нам, как зовут того человека.

– Пошел к черту.

Длинноволосый улыбнулся и произнес:

– Итан Сербин. Вот как его зовут.

Клод был озадачен. Все это – угрозы и насилие по отношению к представителю закона – ради чего? Ради имени, которое и так им известно?

– Вот видите? – сказал он. – Вы ловкие ребята. И без меня обошлись.

– Итан Сербин, – продолжал длиноволосый, – обычно держит группу мальчишек на своем участке. Трудных подростков, малолетних правонарушителей. Тот тип публики, за которой местный шериф обязан присматривать. Мальчишек нет – они, судя по всему, где-то в горах, – и учитывая, что у этих мальчишек были проблемы с законом...

Он примолк, и инициативу без запинки перехватил его брат:

– Тогда, судя по всему, у закона должно быть желание отслеживать их маршрут. Насколько мы понимаем, Клод, вы должны быть в курсе избранного ими маршрута.

Обычно так и было. Будь все как обычно, ситуацию они бы оценили правильно. Но этим летом ситуация изменилась

– по причинам, которых Клод не понимал. Итан Сербин отказался делиться с ним сведениями о маршруте, просто сказал, что по любым вопросам надо обращаться к Эллисон. Это было необычно, но Клод доверял Итану, как никому другому, так что не стал ничего выяснять. Если ему нужно связаться с ними, он просто сделает это через Эллисон. Это не так сложно.

Хотя теперь...

– Где они? – спросил длинноволосый.

– Честно, не знаю!

– У нас другая информация, Клод. И, в отличие от вашего отношения ко мне, я предпочитаю быть честным. Вообще-то я подозреваю, что вы из того же теста, так что в некотором роде мы одной крови – вы и я. Мы оба честные люди. Может, ведомые разными звездами, но я абсолютно убежден, что под правдой мы понимаем одно и то же. Так что позвольте мне поделиться своей правдой. Я мог бы дожидаться, когда опять появится мистер Сербин. Я мог бы отправиться в лес и поискать его там. Я мог бы еще много что сделать, но, Клод... шериф... мое терпение на исходе. Вам известен маршрут, которым он отправился. Мне крайне необходима данная информация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.